6214/23

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

СТЕНЬКА РАЗИН

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.П.Б.

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТРОГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Петрооблит № 3500. Напечатано 2000 экз.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

9(47).16": 323.2 : 92 [Р.]

СТЕНЬКА РАЗИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

ГЛАВА I

ОБСТАНОВКА

Тридцатилетнее царствование „тишайшего“ Алексея Михайловича отнюдь не было „тихим“ — напротив, оно было наполнено бурными событиями, которые иногда грозили самым основам социального и политического строя Московской Руси: современникам казалось, что „весь мир качается“. Особенно 60-е годы были критическими для московского правительства. Начавшаяся после принятия „под государеву высокую руку“ гетмана Б. Хмельницкого „со всем войском Запорожским и всеми Малороссийскими городами“ война с Польшей, благодаря междоусобиям в Малороссии и постоянным изменам гетманов, затянулась на 13 лет (1654 — 1667 гг.) и истощила военные и финансовые рессурсы государства. Изменивший Москве гетман И. Выговский призвал на помощь крымского хана, полчища которого разгромили русское войско под Конотопом (1659 г.) — цвет московской конницы погиб в этом сражении, а попавшие в плен 5.000 чел. были перерезаны, как бараны. Осенью следующего года у Чуднова (на

Волыни) 60-тысячное войско воеводы Шереметева было окружено поляками и, после отчаянного сопротивления и измены Юрия Хмельницкого (сменившего Выговского), вынуждено было сдаться. Военный разгром казался неминуемым. Москва спаслась только благодаря тому, что польское войско, не получая жалованья, устроило конфедерацию — „священный союз“ — и отказалось повиноваться, пока не получит денег. Затем в Польше начались междоусобия („рокош“ Любомирского), — и война продолжалась с неопределенным успехом. Московское войско тоже роптало и разлагалось. Обе стороны были истощены, когда, наконец, заключено было 3 января 1667 г. знаменитое Андрусовское перемирие.

Тринадцатилетняя война расстроила народное и государственное хозяйство и тем обострила недовольство народных масс. Нужда в деньгах натолкнула правительство на смелый опыт с выпуском медных денег, которые должны были ходить по одной цене с серебряными. Известно, что результаты были плачевные — медные деньги стали падать в цене, вызвали расстройство экономической жизни и, наконец, — бунт в селе Коломенском 1662 г., когда „гилевщики“ окружили самого царя, хватая его за кафтан, и подали челобитную с требованием выдать им „изменников“ — бояр, родственников и приближенных царя. „Розыскное дело“ по поводу этого бунта показывает, что видную роль играли в нем, наряду с посадскими людьми — мелкими торговцами и ремесленниками, —

служилые люди, главным образом „солдатского строю“ полк Агея Шепелева, а также солдаты других полков, стрельцы и рейтары. Оказались скомпрометированы даже некоторые их „начальные люди“, офицеры, которые были сосланы „в дальние городы“ (в частности — в Астрахань).

Бунт этот был вспышкой стихийного возмущения посадского, торгово-промышленного населения против расстройства денежного обращения; к нему присоединились солдаты и стрельцы, тоже занимавшиеся в значительной степени мелкой торговлей и ремеслами и, сверх того, получавшие жалованье обесцененными медными деньгами. Но медные деньги были лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения; вообще, положение посадского населения, задавленного податями и повинностями и лишенного свободы передвижения, было тяжелое и питало постоянное недовольство. Но еще тяжелее было положение основной массы населения — крестьянства, на котором сверх государева тягла лежали еще повинности в пользу помещика, власть которого все усиливалась. Уложение 1649 г. окончательно прикрепило крестьянина к помещику, отменив всякую давность в отыскивании бежавших крестьян. У крестьянина оставался лишь один способ избавиться от ненавистного помещика — бежать на юг, на тихий Дон, где „великое Донское Войско“ принимало отовсюду беглецов и успешно отстаивало перед московским правительством правило, что „с Дону выдачи не бывает“.

Здесь-то и зародилось движение, которое всколыхнуло крестьянство, увлекло и посадское население по всему русскому юго-востоку — разбойничьи походы донского атамана Степана Разина перешли в грандиозное революционное движение, в котором судьба московского правительства одно время висела на волоске. Мир с Польшей был заключен во-время: через несколько месяцев, весной того же 1667 года, на Волге появились казаки Разина. Донское казачество („войско“) стало очагом движения — отсюда вышли его вожди, здесь образовалось его основное боевое ядро. И здесь же, на родной реке, Разин нашел гибель от рук своих же донских казаков, которые взяли его в плен и скованного отвезли в Москву на казнь... Здесь произошла завязка и развязка трагедии. Поэтому, рассмотрение обстановки восстания надо начать с политического и экономического строя донского войска в XVII веке; таким образом, мы ознакомимся с той средой, в которой родился и вырос Разин, которая наложила свою печать и на его личность, и на его судьбу.

I

Донское войско в XVII веке представляло собой вполне автономную область, управляемую по своему „войсковому праву“ выборными атаманами, и только во внешних отношениях считалось подчиненным

московскому правительству [1]). Но социальный состав его уже не был вполне однородным — мы видим внутреннее расслоение и борьбу: Стенька Разин пал ее жертвой.

Хозяйственный быт донского казачества носил очень своеобразный характер. Прежде всего — на Дону совершенно отсутствовало земледелие, несмотря на постоянный приток эмигрантов из земледельческой страны и постоянную нужду в хлебе. Оно было прямо запрещено: в 1690 г. войсковой круг (высший орган войска), узнав, что по рекам Хопру и Медведице беглые из Руси завели было пашню, издал „войсковой свой приговор, чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, и того бить до смерти и грабить". До нас дошло несколько межевых грамот между станицами конца XVII и начала XVIII вв., которые ясно показывают, что считалось ценным в станичных владениях („юртах"). В них прежде всего говорится о том, кому владеть той или иной „речкой" (т.-е., правом рыбной ловли в ней); далее идет речь о сенных покосах, охотничьих угодьях, но нет никаких указаний на пашни. Прямое запрещение распахивать землю можно объяснить страхом перед надвигающимися с севера, вместе с сохой земледельца, московскими порядками — с пашней было

[1]) Политическое положение донского войска в XVII веке подробнее освещено мною в особой статье („Русское Прошлое", сборник № 3, П. 1923).

тесно связано представление о государевом тягле и государевом воеводе, отсутствие которых было главным преимуществом, завидной привилегией донского казачества... Политические соображения — как это, впрочем, часто бывает — были тормазом экономического прогресса [1]).

Если оставить пока в стороне войну — разбой, то главным источником пропитания было рыболовство. На это указывает уже то обстоятельство, что казачьи поселения, „городки", были расположены по Дону и его притокам, и весь край иногда именовался „рекой" („все войско" = „вся река"). Река же служила главным средством сообщения: по реке привозили с севера хлеб — в значительной степени в обмен на рыбу. Широко распространена была и охота — „гульба" (гл. обр., летом); „гулебщики" заходили со своими капканами даже на Кубань. Занимались казаки и скотоводством, разводя лошадей и коров. Покупка лошадей бывала специальной целью поездок торговцев из Руси на Дон. Но это скотоводство сохраняло тесную связь с разбоем: их табуны и стада пополнялись в значительной степени при помощи угона у соседей — азовцев и крымских татар, — которые платили им тем же; жалобы на то, что у них отогнали лошадей и коров, довольно часто попадаются в войсковых

[1]) Достойно замечания, что московское правительство, неодно кратно помышлявшее поставить свой город на Дону, предписывало при этом разведать, можно ли в том месте завести пашню.

челобитных о государевом жалованьи. Но экономические интересы заставляли обе стороны ограничивать неприязненные действия, устанавливали своего рода „международное право“: так, у казаков с азовцами установилось молчаливое соглашение не жечь в степи сена, заготовленного первыми на зиму; в случае нарушения этого правила, казаки жестоко мстили, разоряя окрестности Азова. Понятно, что в такой тревожной обстановке казачье скотоводство не могло иметь значительных размеров.

Но самым выгодным, хотя и опасным, промыслом (особенно для „низовых“ казаков, живших в нижнем течении Дона) были походы на бусурман, „за зипуном“: степью — на конях или, чаще, морем — судами. Добыча делилась („дуванилась“) между всеми участниками похода; напр., в 1646 г. одному русскому человеку, примкнувшему добровольцем к подобной морской экспедиции, „на дуване“ досталось: киндяк (шерстяная материя), лук и 2 рубля денег. Но самой ценной добычей был „ясырь“ — п л е н н ы е, которые выкупались их родными и друзьями, или продавались казаками в Русь, нагайцам, калмыкам и т. д. Посылаемые от войска в Москву в „станице“, с вестями или дипломатическими поручениями, казаки привозили с собой на продажу разную добычу и, в частности, ясырь — главным образом, несовершеннолетних и женщин („татарченков“ и „женок-татарок“). Этим правом продажи ясыря на Москве (где можно было получить высшую цену) казаки очень дорожили.

Правда, число пленных редко бывало настолько велико, чтобы каждому участнику экспедиции доставалось по человеку: обычно, один пленный приходился на несколько казаков, которые его продавали и вырученные деньги уже делили между собой (так, напр., делали сподвижники Разина в Астрахани после своего возвращения из Персии).

Для того, чтобы показать масштаб этой охоты за живым товаром, я приведу перечень морских походов донских казаков в 50-х годах XVII в., в которых принимало участие обычно от одной до трех тысяч человек [1]). В 1650 г. казаки на стругах достигли берегов Румелии, были недалеко от Царьгорода и взяли 150 чел. ясырю; в 1653 г. их „морское войско“ посетило берега Крыма и Анатолии (близ Трапезунда), взяв около 600 пленных; в 1655 г. был взят приступом гор. Тамань, где взято в полон 400 чел. (и освобождено русского полону 130 чел.); в 1657 г. около Гезлева (н. Евпатория) казаки взяли 600 чел. ясырю и русского полону отбили 200 чел.; наконец, летом 1659 г. казачьи струги посетили Кафу (н. Феодосия), Булыклею, Керчь, а затем Анатолию (от Синопа почти до самого Константинополя), причем взято было ясырю 2.000 чел. и отбито русского полону 150 чел.

Московские послы в Бахчисарае и Константинополе открещивались от этих подвигов донских каза-

[1]) Перечень составлен на основании „Донских Дел“ того времени и, вероятно, неполон.

ков, заявляя, что они — „ведомые воры“, не состоят в подданстве их государя, который за них „не постоит“, если хану или султану угодно их „извести“. В периоды мира с татарами и турками, царские грамоты донскому войску, действительно, уговаривали казаков „не чинить задоров“ и тем не ссорить государя с этими опасными соседями; но как только мир нарушался, — а нарушался он постоянно, — на Дон шли настойчивые побужденья „чинить промысел“ над неприятелем и всякую ему „помешку“.

За эту „службу“ войско ежегодно получало царское „жалованье“ — хлебом, деньгами, военными припасами (порохом, свинцом и т. д.), сукном, — размеры которого колебались из года в год, „смотря по их службам“. Жалованье привозилось Доном с Воронежа „на низ“, в Черкасский городок, где войско дуванило его между собой. При этом казаки „верхних“ городков, „верховые“, обычно в дележе не участвовали, — кроме тех, которые в том году по собственной охоте являлись на низ и „служили с войском вместе“.

Таким образом, хотя „верховые“ казаки входили в состав донского войска, считаясь „под войсковым началом“, тем не менее, они заметно отличались от низовых и по занятиям, и по интересам. Известно, что хотя ядро шайки Разина составили преимущественно низовые казаки, но впоследствии, когда движение приняло определенно революционный характер, главная опора Разина была в верхних город-

ках, где было „шатко“ даже тогда, когда на низу окончательно взяла верх московская партия во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым, который захватил Стеньку и отвез его, „как ясыря“ (как впоследствии упрекали К. Яковлева защитники вольностей войска), в Москву. Низовые казаки были профессиональными воинами-разбойниками [1]), которые жили преимущественно военной добычей и царским жалованьем, получаемым за эту „службу“. Они были жизненно заинтересованы в сохранении добрых отношений с Москвой, которая снабжала их предметами потребления и „орудиями производства“, каковыми являлись в данном случае порох и свинец. Продовольственная зависимость Дона от Руси (впрочем, хлеб шел и из Малороссии, когда она еще была в составе Польско-Литовского государства) очень хорошо видна по резким колебаниям хлебных цен (на ржаную и пшеничную муку и пшено) в Черкасском городке, в зависимости исключительно от условий подвоза. Вот почему казаки так заботились об устранении препятствий к подвозу хлеба, в частности, об отмене таможенных пошлин в русских украинных городах, и не раз жаловались в Москву на действия воевод, притеснявших торговцев; если, писали они, „торговые люди и всякие промышленники от воеводского утесненья

---

[1]) Аналогичное явление представляют собой американские флибустьеры того же XVII века.

с городов всяких запасов не привезут на Дон, и нам... купить будет негде и кормиться нечем". Кроме того, „лучшие", отличившиеся в „службе" казаки отправлялись в Москву в станицах (ежегодно отправлялась зимой „зимовая" станица, человек в 20—30 и больше, и затем, по мере надобности, „легкие" станицы, по нескольку человек) — и тут бывали „у руки" государя, получали ежедневно „корм" и „питье" (вино, пиво и мед), наделялись жалованьем „на приезде" и „на отпуске", деньгами и сукном. Такие влиятельные атаманы, как Корнила Яковлев, Михаил Самаренин, впоследствии — Фрол Минаев, часто бывали в Москве и награждались, сверх обычного жалованья, серебряными ковшами, соболями и т. п.; этим нехитрым, но испытанным способом Москва старалась влиять на казацкую старшину — и история подтвердила его действительность.

Верховые казаки в массе не участвовали ни в морских походах войска, ни в дуванах добычи и царского жалованья; не ездили они в станицах в Москву и не знали всех сопряженных с этими поездками благ. Хлеб они получали из сравнительно не столь отдаленного Воронежского и Тамбовского края, с жителями которого у них были постоянные сношения. Вместе с тем, именно в верхние городки являлись прежде всего беглые из Руси крестьяне и холопы и оставались обыкновенно здесь — неудивительно, что первые попытки земледелия появились по рекам Хопру и Медведице. Русский земледелец,

по общему правилу, не имел вкуса к военной жизни низовых казаков, с ее постоянным риском: показательна в этом отношении история одного боярского холопа, который сбежал и пришел „на низ“, но, побывав в морском походе, вместе с товарищем дал слово „вперед на море не ходить“, и вернулся через год в Москву к старому хозяину, у которого к тому же оставалась его семья, — предпочтя спокойную и сытую неволю бурной и необеспеченной воле. Поэтому в верховых городках было гораздо более беглых, хорошо помнивших тягло и кнут, помещика и воеводу; напротив, на низу московское правительство знали главным образом по присылавшемуся жалованью. В племенном отношении, в верхних городках был гораздо сильнее великорусский элемент, тогда как на низу очень заметен был элемент малорусский (благодаря постоянным приездам и переселениям запорожцев), а также татарский.

Количество и роль беглых на Дону становятся значительными как раз с 60-х годов XVII в. Вчитываясь в сохранившиеся „Донские Дела“ того времени, выносишь определенное впечатление, что в первой половине столетия бегство на Дон не было массовым явлением; это можно заключить и из того факта, что численность донского казачества все это время оставалась приблизительно на одном уровне — всего несколько тысяч. И состав беглых был очень пестрый: наряду с боярскими холопами и преступниками, избавлявшимися таким образом от наказания,

видим и служилых людей, не только из рядовых стрельцов и казаков, но и нисших „начальных“ людей (например, казачьего пятидесятника; сохранилось челобитье 1650 года одного старого вояки, служившего приставом Казанского Дворца, о дозволении ему отправиться на Дон „служить с казаками“). Утверждение современника Котошихина, что „Доном от всяких бед свобождаются“, вполне подтверждается документами. Беглые частенько снова появлялись в Москве, уже в качестве казаков, в казачьих станицах, — и их никогда не возвращали прежним господам или на прежнюю службу, но отпускали с миром; и только в грамотах войску писалось, чтобы „вперед таких новоприходцев не присылали для ссоры“ [1]).

После Уложения 1649 г. приток беглых усилился и стал более однородным: бежали крестьяне и холопы, с женами и детьми; определенно массовое движение мы видим в 60-х годах — в 1667 г. (год начала разиновщины) Дону угрожал даже голод, в виду скопления массы беглых из Руси в верхних городках. Одновременно, московское правительство начинает делать попытки принудительного возвращения беглых: в 1666 г. оно пыталось вернуть на прежние места крестьян, сбежавших из шацких дворцовых сел и поселившихся близ казачьих городков по р. Хопру. Чем кончилась эта попытка — из

[1]) Один из таких случаев относится к 1669 году, когда начавшаяся разиновщина уже показала московскому правительству, как опасно для него это правило. Впрочем, оно признавалось и позже.

документов не видно; но через несколько лет, в 1670—1671 гг., Шацкий уезд был одним из очагов восстания.

II

В 60-х годах донское войско переживало трудные времена. Турецкое правительство решило, наконец, принять энергичные меры против казачьих набегов. Восьмидесятилетний великий визирь Кёприлу, разбивший венецианский флот, вернувший Турции острова Лемнос и Тенедос, построивший крепость „Седдул-Бар“ в Дарданелах и тем обезопасивший столицу с юга, в последний год своей жизни обратил внимание на необходимость обезопасить ее и с севера. С этой целью, на Дону, в 1—2 верстах выше Азова, там, где отделяются протоки донской дельты — Каланча и Донец, была поставлена крепость, которая получила название „Седдуль-Ислам“ (т.-е. „оплот ислама“ [1]). В начале лета 1660 г. в устья Дона пришел флот турецких каторг с 9.000 ч. войска, крымский хан с 40.000 татар и, наконец, — масса „работных людей“ из венгров, валахов и молдаван. Они поставили на Донце каменный „город“ с четырьмя башнями, а несколько выше Каланчи — две каменные башни, между которыми протянули

[1]) Другая крепость была одновременно поставлена в устьях Днепра, против запорожцев.

через Дон цепи; в новом городе было оставлено 500, в башнях — по 300 янычар; гарнизон Азова был усилен до 5.000 чел. (впоследствии, в 1666 г., там было 3.400 чел.). Казаки сразу прекрасно поняли смысл этих мер — дело шло о том, чтобы „реку Дон закрепить“ и не дать им ходить в море „для промыслов“. Они не раз ходили на эти „городки“, но взять их не могли, несмотря на большие потери и присылку из Москвы к ним на помощь отряда ратных людей с воеводой И. Хитрово. С этих пор в войсковых челобитных о жалованьи не прекращаются жалобы на „скудость“, что „зипуну взять негде“, так как у них „морской ход отнят и сидят они в з а п е р т и“. Последнюю фразу не надо понимать буквально — и теперь казакам удавалось иногда проскользнуть в море и пограбить крымские берега; но промысел их стал гораздо более трудным и опасным, менее обеспечивающим существование.

Но воины-разбойники не могут сразу превратиться в мирных земледельцев. Для молодецкого пыла донского казачества могло быть два выхода. Первый заключался в том, чтобы „очистить“ устье Дона, разрушив новые турецкие укрепления и взяв город Азов, который уже был в казачьих руках в 1637 — 1642 гг. К этому стремилась казацкая старшина, придерживавшаяся традиционной политики, видевшая жизненную основу донского войска в грабеже „бусурман“ на Черном море, при поддержке Москвы. Летом 1668 г. (когда Разин уже был в

Персии) в Черкасском городке к царскому послу Евдокимову тайно приходило человек 30 „старых и нарочитых“ казаков, во главе с войсковым атаманом М. Самарениным и Фролом Минаевым, и говорили о своих планах овладения Азовом (в котором, по их словам, было „малолюдно“), для чего просили помощи ратными людьми, снаряжением и деньгами, „чтобы удовольствовать голутову [1]) и призвать калмыков“. И впоследствии, в январе 1673 г., Фрол Минаев, будучи в Москве, заговаривал о присылке войску стенобитных пушек для действий против Азова. Но у донского казачества издавна было и другое поприще для разбойничьих подвигов — Волга и Хвалынское (Каспийское) море. В том месте, где Дон близко подходит к Волге, были расположены казачьи городки: Сиротинский, Иловля, Качалин, Паншин, Голубые, Пяти-Избы, — где частенько собирались казачьи шайки, чтобы итти „воровать“ на Волгу. Разбой на Волге широко процветал еще в XVI в. (достаточно вспомнить Ермака Тимофеевича). После покорения Астрахани (1556 г.) вся Волга оказалась в пределах Московского государства и стала важной торговой артерией, связывавшей его, через Каспийское море, со странами Востока. Борьба с разбойниками стала насущной задачей московского правительства; Борис Годунов и Василий Шуйский

[1]) „Голутова“ = „голытьба“ — так называлась на Дону беднейшая часть казачества.

вешали сотнями „волжских“ (или „вольских“) казаков за грабеж персидских караванов. С Волги казаки проникли через Каспийское море на Яик, где образовалось особое „Войско“, постоянно поддерживавшее сношения с Доном: среди донских казаков мы часто видим яицких, и обратно; а в 1644 г., когда казакам, после вынужденного оставления Азова, приходилось очень туго от татар и турок, они даже подумывали всем войском перебраться на Яик. Яик манил, как удобная база для набегов на берега Каспийского моря. Но тут были владения персидского шаха, постоянного „любительного“ друга московского царя, правительство которого, естественно, не могло сочувствовать казачьим подвигам здесь. Иностранцы отмечали, что из всех союзов, заключавшихся Москвой, самым долговечным был союз с Персией, так как оба государства имели одного общего и страшного врага — могущественного турецкого султана (Рейтенфельс). „С персидским государством войны не бывает“, пишет и Котошихин. Недоставшую персидскому государству национальную основу (здесь господствовала военная каста „кизылбашей“ — „красноголовых“ — так назывались войска династии Сефевидов в XVI в. во время их войн с Турцией, составлявшиеся преимущественно из тюркских племен) заменила религия — шиитство. Отношение мусульман-шиитов к мусульманам-суннитам было гораздо более враждебно, чем к иноверцам; турецко-персидская вражда была жестока и непри-

мирима. В начале XVII в. Дагестан и Адербейджан были в руках турок; московские послы, отправлявшиеся морем в Персию с дипломатическими поручениями, обязаны были — если их перехватят турки — уничтожать свои грамоты и говорить, что они ехали для переговоров исключительно по торговым делам. Но шах Аббас Великий (1586 — 1628 гг.), в результате ряда успешных войн, оттеснил турок от берегов Каспия, из Адербейджана, Грузии, Курдистана, Багдада и Моссула: священные места шиитов — Неджеф и Кербела — были присоединены к Персии. Одновременно ему приходилось отражать постоянные набеги северо-восточных соседей — узбеков, — суннитов и естественных союзников турок. Ища, в свою очередь, союзников, Аббас вступил в сношения с Западной Европой — Германской империей, Англией — и Московией. Персия XVII века была страной, где христиане всех вероисповеданий пользовались полной веротерпимостью и покровительством; француз-гугенот Шардэн, после отмены Нантского эдикта во Франции, решил вернуться в Персию, так как знал по опыту, что там не будет испытывать притеснений за свою религию. Под Испаганью (сделанной Аббасом столицей), наряду с армянской слободой, образовалась слобода „Батум", населенная европейцами, торговыми и служилыми людьми. С Московией Персию связывала и оживленная торговля, шедшая через Астрахань; торговля персидским шелком сильно интересовала московское правительство и

московских торговых людей; иностранцы хлопотали о торговле с Персией через Россию.

Все это делает вполне понятным, что если „промыслы“ донских казаков в Азовском и Черном морях обычно были на руку московскому правительству, то совершенно иначе смотрело оно на грабежи в „Хвалынском“ море. Что т а м считалось „службой“ и награждалось „жалованьем“, то з д е с ь рассматривалось, как „воровство“, и грозило виселицей. В донском войске — главным образом, в верхних городках, ближайших к Волге, — всегда находилось достаточно беспокойного элемента для комплектования „воровских“ шаек, сильно затруднявших торговое движение по этому пути. Читая записки гольштинского посла Олеария (приехавшего в 1635 г. для выяснения возможности наладить торговлю шелком с Персией через Московию) о его путешествии по Волге, мы постоянно встречаем указания на предосторожности, принимаемые из опасения нападений донских казаков. Он рассказывает, что у реки Камышенки, на правом берегу Волги, он видел много водруженных деревянных крестов — ему объяснили, что много лет назад „русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге“, в сражении пало с обеих сторон 1.000 человек, и русские были здесь погребены. Ниже Царицына, по его словам, на высокой горе на правом берегу стояла виселица, на которой вешали попадавшихся воровских казаков.

Таким образом, у Разина были многочисленные предшественники; некоторые из них с Волги выплывали в море до персидских берегов. В 1649 — 1650 гг. донской казак Иван Кондырев с шайкой в 200 человек „воровали на море, на проездах всяких торговых людей грабили и побивали, и в Кизылбашской земле села и деревни громили, и промеж государств чинили ссору". Зимовали они на Яике, в калмыцких улусах; затем явились в Астрахань с повинной, получили полное прощенье и отправились обратно на Дон.

Всего за несколько лет до выступления Разина когда он уже успел выдвинуться и ездил в станице, в Москву, в 1659 г. на Волге у Царицына появилась воровская шайка, которая в следующем году перебросилась на Яик и в Хвалынское море. К ней приставали рабочие („ярыжки") с ограбленных судов („насадов") и даже отчасти их конвоиры — стрельцы. Базой шайке служил построенный ими „воровской городок" Рига, на Дону, ниже р. Иловли, между Паншиным и Иловлинским городками. Шайка составилась главным образом из „русских", бежавших несколько лет тому назад из московских украинных городов (атаманами и есаулами были бывшие драгуны и стрельцы) и пополнилась „ярыжками с насадов". Однако, из этого разбоя извлекали выгоду и некоторые „старые", состоятельные казаки — снабжая „воров" всем необходимым для похода, под условием отдачи известной части добычи, а также

покупая награбленное („воровскую рухлядь“). Но в общем, интересы войска страдали, так как „воры“ не пропускали торговых людей, шедших Доном в судах с „запасом“ на низ. Ликвидации шайки требовали и царские грамоты. Поэтому, зимой все войско отправилось в поход, взяло и сожгло воровской городок, двух „заводчиков“, атамана и есаула повесили, а остальных, дав на поруки, распустили по городкам. Но весной следующего 1660 года те же воры снова появились на Волге, погромили несколько судов, принадлежавших московским крупным капиталистам („гостям“), и затем, во главе с атаманом Парфением Ивановым, пошли в море и на Яик, ограбив несколько „купчин“ персидского шаха [1]). Согласно предписанию из Москвы, донское войско отправило двух казаков, В. Никитина и Фрола Минаева, уговаривать шайку отстать от воровства и вернуться на Дон; миссия увенчалась успехом и в

---

[1]) Сохранилось в копии любопытное „воровское письмо“, посланное одному владельцу рыбных промыслов („учугов“), следующего содержания: „от атамана Парфенья Ивановича и от всего Войска Донского и Яицкого (sic!) Ивану Турченину. Были атаманы молодцы на твоем учуге, а на учуге твоем ничего нет. И приказали атаманы молодцы выслать 50 ведр вина, 10 пудов патоки, 50 мехов пшеничной муки; да земли и опоки, что серебро льют. А вышли де на Четыре Бугры; а буде не вышлешь, и атаманы молодцы хотят оба учуги выжечь у Вару и у Рустубу; да и насадом вашим по Волге не ходить. А буде ты, Иван, станешь бити челом воеводе, и ты на нас не пеняй“. Напечатано в „Донских Делах“, т. V, 757—758.

1661 г. воровские казаки вернулись „на великого государя службу".

Вся эта история хорошо рисует сложившуюся обстановку: донские городки—Паншин, Иловля и др.—служат сборным пунктом для „воровских казаков", которые получают от своих более зажиточных собратьев снаряжение за соответствующий „процент на капитал"; на Волге к ним скоро пристают гребцы и вообще рабочие ограбленных судов и даже казенные защитники торговых караванов — стрельцы. Могло ли московское правительство положиться на верность и стойкость местных гарнизонов? Опыт Разина дает красноречивый ответ: именно здесь, на нижней Волге, он имел наибольший успех и сильнейшую опору.

Без помощи астраханцев Разин никогда не превратился бы из обыкновенного разбойника, какими были все его предшественники, в вождя стихийного революционного движения; по мере того, как гибли или отходили от движения его старые соратники, донские казаки, их место в войске Разина занимали стрельцы волжских городов.

III

Почему стрельцы, которые должны были служить опорой правительства, стали опорой мятежа? Надо сказать, что если положение стрельцов в Московском государстве вообще было незавидно, то здесь, на

нижней Волге, оно было особенно тяжело и остро чувствовалось ими. Стрелецкое звание передавалось по наследству, и от него можно было освободиться только по непригодности к службе — „в стрельцах бывают вечно“ (Котошихин). Стрельцы селились особыми слободами, и ближайший надзор за ними лежал на их „голове“ (назначавшемся из дворян и детей боярских), который должен был „смотреть почасту, чтоб без его отпуску никуды не ходили“: тем, кто уходит без отпуску или не ночует у себя в слободе, предписывалось „чинить наказанье, бить батоги и в тюрьму сажать“. Старые и увечные увольнялись от службы, но лишались при этом главного обеспечения — своего участка в стрелецких землях: на место „выбылых“ прибирались новые. Стрельцы часто бегали — их ловили, били кнутом, сажали на время в тюрьму и потом снова приказывали „быть в стрельцах по-прежнему“. Словом, они были совершенно бесправны перед лицом государства — у иностранцев получалось впечатление, что они даже женятся „более по приказанию царя, нежели по собственному желанию“ (Рейтенфельс). Немудрено, что стрельцы постоянно обнаруживали „шатость“ и склонность к „воровству“ [1]).

---

[1]) Значительно лучше, чем провинциальных, „городовых“, стрельцов, было материальное положение „московских“ стрельцов, за которыми ухаживали, и, напр., в то время, как городовым стрельцам сукно выдавалось раз в 3 или 4 года, московских наделяли им ежегодно (Котошихин).

Но, быть может, нигде во всем московском государстве „шатостное“ настроение стрельцов не было так сильно, как в Астрахани; здесь, на далекой окраине, на границе Азии, отделенные сотнями верст безлюдной пустыни от центра, они остро чувствовали их эксплоатацию и, вместе с тем, сознавали свою силу. Расположенный в дельте Волги, на острове Долгом, город был окружен каменными стенами, на которых стояло около 500 чугунных пушек. Гарнизон Астрахани при царе Михаиле Федоровиче состоял из 4.500 стрельцов; при Алексее Михайловиче город увеличился на целую треть, главным образом, благодаря усилению гарнизона, который был размещен в особой части, называвшейся Стрелецким городом. Все эти меры были необходимы, чтобы держать в подчинении татар, кочевавших по обе стороны Волги, и отражать набеги хищных калмыков [1]). Стрельцы употреблялись здесь не только,

---

[1]) Татарам запрещалось иметь оружие и ночевать в городе; в особых „аманатных“, или „закладных“, дворах сидело постоянно несколько десятков „аманатов“, заложников из татарских мурз и членов их семей, а также „лучших“ татар. — Положение этих татар, которых притесняли воеводы, разоряли и уводили в плен калмыки и донские казаки, было тяжелее, чем чье бы то ни было на этой окраине; но в разиновском движении они участия не приняли — и неудивительно: если они ненавидели воевод и олицетворяемую ими Москву, то имели основание не питать симпатий и к казакам. Только гораздо севернее, в среднем Поволжьи, где инородцы (мордва, черемисы и т. д.) были незнакомы с казаками, они массами примкнули к восстанию.

как вооруженная, но и просто, как рабочая сила: они ездили степью и морем с персидскими, бухарскими, юргенчскими (хивинскими) и пр. послами, „для обереганья“, а также в качестве гребцов на судах, стояли в караулах на дворцовых рыбных промыслах („учугах“), посылались „с вестями“ и на разведки по татарским улусам, „годовали“ на Тереке и в Яицком городке — и весьма неаккуратно получали денежное и хлебное жалованье, что в крае, лишенном земледелия, где хлеб был дорог, было очень чувствительно. Не забудем, к тому же, что многие из астраханских стрельцов и вообще астраханских жителей попали сюда не по доброй воле: Астрахань была местом ссылки, и ежегодно с волжским караваном приходила под конвоем партия „колодников“, которые здесь „приверстывались“ в разные „чины“. Легко понять, как тоскливо чувствовали себя эти ссыльные, особенно, когда их посылали на год на Терек или в Яицкий городок, где население почти целиком состояло из гарнизона и каждую минуту должно было быть на страже, под угрозой набегов хищных соседей. Неудивительно, что водка ценилась здесь на вес золота. Отсутствие семейных связей усиливало „шатость“, неуравновешенность населения. На севере, в давно заселенных местах, стрельцы брали себе жен среди местных жителей, обзаводились кое-каким хозяйством — пашней, ремеслом, торговлей — и вместе с семьей и имуществом приобретали психологические черты мирного населения,

„законопослушного“, отнюдь не склонного к „воровству“ — жена и дети всегда связывают человека, делают его более робким. Не то было в Астрахани — здесь значительная часть стрельцов оставалась холостой, и потому была более смелой, более отчаянной, чем их собратья в коренной России. Московское правительство, наученное горьким опытом, обратило внимание на это обстоятельство, и стрелецкие приказы в Астрахани после ликвидации восстания были сформированы заново, причем брались только семейные, и общая численность их была сокращена.

Жалкое материальное положение тем больнее чувствовалось стрельцами, чем резче бросался в глаза контраст его с богатством и роскошью местных капиталистов, торговцев и промышленников. Главным из них был сам царь, которому принадлежал ряд рыбных промыслов в устьях Волги и Яика (а также и тюлений промысел). Царю же принадлежало право преимущественной покупки у персидских купчин всяких привозимых ими товаров, в особенности „узорочных“ (драгоценностей), по казенной расценке, за что им давалось „царское жалованье, корм и питье, и суды, в чем им ехать водою, безденежно“ (Котошихин). Надо думать, что персидские купцы не оставались в накладе от этих операций — иначе они не ездили бы в таком количестве в Россию; в Астрахани у них был свой гостиный двор, наряду с бухарским и индийским. Олеарий встретил выше Ца-

рицына персидский и татарский караван из 16 больших и 6 малых судов, которых конвоировали 400 стрельцов. Он же описывает роскошные банкеты, устраивавшиеся персидскими купцами в Астрахани в честь голштинцев, причем комнаты были одеты великолепными коврами, а иногда даже — золотой парчей. Приятно поразила Олеария вежливость персов, которую он сравнивал с грубостью москвитян. Среди этих купцов очень заметную роль играли армяне, которым персидское правительство стало покровительствовать со времен Аббаса Великого и которым персидская торговля была обязана своим процветанием. Что касается индусов, то они, повидимому (так же, как и в Персии), были преимущественно представителями финансового капитала, ростовщиками. Летом, во время „караванного приезда", гостиные дворы наполнялись торговцами-иноземцами, и за городом, на берегу Волги, жили „многие съезжие люди". В общем, вся эта иноземная крупная буржуазия меньше всего хотела ссориться с московским правительством. Если местные татары во все время восстания держались нейтралитета, то торговые люди-иноземцы не ждали ничего хорошего от Разина, и во время осады Астрахани персидская конница (очевидно, снаряженная за счет персидских купцов), не в пример русскому гарнизону, не за страх, а за совесть, несла охранную службу и перехватила лазутчиков Разина. Из русских капиталистов, после царя, на первом месте стояли патриарх и

Астраханский Троицкий монастырь; затем шло несколько гостей, управлявших своими рыбными промыслами через прикащиков. Олеарий рассказывает, что он и его спутники ниже Черного Яра получали рыбу у рыбаков, которые, однако, не брали денег, „говоря, что известные торговцы в Москве, арендующие эту часть Волги, послали их сюда для рыбачества и если узнают про продажу ими хотя бы малейшей рыбы, то им придется жестоко поплатиться за это"; поэтому им дали вместо денег полкувшина водки, которой они очень обрадовались.

Таким образом, здесь, на юго-восточной окраине, социальные контрасты были очень резко выражены и имели характер, гораздо более приближающийся к современному буржуазно-капиталистическому, нежели в других частях Московского государства с его типичными фигурами дворянина-землевладельца и крепкого ему крестьянина-земледельца, которых здесь не было. Над всем доминировали интересы крупного торгового капитала [1]). Города от Астрахани до Казани были военными постами для охраны торгового пути.

[1]) Впрочем, последний олицетворялся, главным образом, опять-таки правительством; „гости" были, в сущности, правительственными чиновниками, которые, по словам современника-иностранца (Кильбургера), препятствовали свободной торговле, чтобы „тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы"; простые купцы их ненавидели: „если когда-нибудь, говорит он, произойдет бунт, то чернь свернет им шею". Неудивительно, что масса посадского торгового населения могла легко перейти на сторону Разина.

Царицын и Черный Яр в 30-х годах были населены исключительно стрельцами (Олеарий); через 40 лет гарнизон Черного Яра еще составлял половину населения (Стрюйс). Но верность этих воинов, — бесправных рабов государства, беззастенчиво эксплоатируемых, которым резали глаза те богатства, которые они провожали и оберегали, — была очень ненадежна. И стоило появиться сравнительно немногочисленному, но сплоченному и обвеянному боевой славой отряду Разина, который выкинул знамя восстания против „изменников-бояр“, как стрельцы сразу массами передались ему, и он оказался хозяином края.

Такова была обстановка на Дону и на Волге. Донское казачество создавало людей, подобных Разину; обстановка на Волге подготовила его успехи. И все Московское государство было в таком положении, что один момент могло казаться, что дни боярского правительства сочтены и что Московская Русь станет казачьей, как стала казачьей юго-западная Малая Русь за 20 лет перед этим, при гетмане Богдане Хмельницком.

ГЛАВА II

ЗА ЗИПУНОМ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ

I

Осенью 1652 года донской казак Степан Разин бил челом войску в кругу об отпуске на богомолье далеко на север, в Соловецкий монастырь на Белом море. Он заявил, что еще в 158 (т.-е., 1649—1650) году обещался отец его, Тимофей Разя, вместе с ним, Стенькою, помолиться соловецким чудотворцам Зосиме и Савватию; но волей божьей отца его в том же 158 году не стало, „а он, Стенька, того своего обета к ним чудотворцам и по ся места не исправлял". Войско его отпустило и дало соответствующую грамоту в Москву.

Таким образом, первое известие о Разине говорит нам о паломнике в далекий монастырь, исполняющем обет не только за себя, но и за покойного отца. Любопытное первое выступление для будущего мятежника не только против государства, но и против церкви, прослывшего воинствующим атеистом XVII века, опередившим, по словам Костомарова, „век Шометта и Гебера"! Но среди донских казаков паломничество в Соловецкий монастырь было очень распространено, так как св. св. Зосима и Савватий считались целителями ран — раненые казаки давали обет помолиться им, если выздоровеют. Каждый год не-

сколько казаков ездило в Соловки „по обещанию“, и по особым грамотам из войска получало в Москве „корм“ по 10 денег (5 копеек) в день на один месяц. Разин проделал то, что делали сотни его товарищей на Дону.

В дальнейшем Разин делал успешную карьеру в родном войске. Он был „низовый“ казак и, повидимому, вышел из кругов, близких к тогдашней старшине; есть известие (иностранного автора), что Корнила Яковлев (он же — Корней Черкес), один из наиболее выдающихся войсковых атаманов XVII века, был его крестным отцом. В 1658 г. (через 6 лет после своего первого паломничества) Разин приезжает в Москву вместе с двадцатью товарищами в станице, во главе с таким знаменитым вождем, как Наум Васильев, который в 1639—1641 гг. удерживал Азов против огромного турецкого войска и многократно избирался войсковым атаманом; мы знаем, что в станицу вообще выбирались „лучшие“, наиболее отличившиеся казаки. Станица пробыла в Москве несколько месяцев и при возвращении на Дон (весной 1659 г.) повезла с собой, сверх обычного годового жалованья войску, еще 6 пушек для борьбы с азовцами, всячески старавшимися реку Дон „закрепить“ и не выпустить казаков в море. Как раз в это время в Москве настроение было очень тревожное: на Украине изменил гетман Выговский, в самой столице двор находился под впечатлением скандального самовольного ухода с патриаршеского престола Никона; церковный раскол

уже давал себя чувствовать — монахи Соловецкого монастыря отказались принять новые богослужебные книги. Казаки постоянно ходили по приказам, бывали при дворе и просто толкались по столице — и за время своего пребывания в Москве Разин мог присмотреться и оценить политическую обстановку.

Через два года Разин оказывается облеченным очень важным и ответственным поручением от войска — вдвоем с атаманом Федором Буданом он едет к калмыкам, кочевавшим близ Астрахани, для заключения мирного договора. Федор Будан был заслуженный казак, еще в 1653 г. предводительствовавший морским походом в Азовское море, в котором принимало участие в 20 стругах 1.700 человек; в 1660 г. он приезжал в Москву станичным атаманом. Если Разин был признан достойным товарищем Будану, это показывает, что он успел заслужить доверие войска (вернее, может быть, его старшины).

Вернувшись от калмыков, осенью 1661 г. Разин вновь отправляется в Соловецкий монастырь — войсковая отписка 4 ноября этого года говорит об отпуске „низовых казаков Степана Разина и Прокофья Кондратьева по их обещанью“ к Зосиме и Савватию. Каковы были действительные побужденья Разина? Был ли это очередной припадок религиозности мятущейся души? Или уже тогда у него мелькала мысль „тряхнуть Москвой“ и хотелось узнать положение вещей и найти на севере возможных союзников, врагов московского правитель-

ства — социальных и церковных? Ответ может быть дан только в связи с общей характеристикой личности Разина. Сейчас отмечу только, что эта, вторая, поездка Разина в Москву и оттуда — в Соловки могла дать ему представление о количестве горючего материала, накопившегося под гнетом насквозь крепостнической государственности.

Вот и все, что мы знаем о Разине до 1667 г. К этому времени он был уже не молод — видевший его в 1669 г. в Астрахани иноземец дал ему 40 лет, — много видел, во многих местах побывал, от Черного моря до Белого, — у диких калмыков, на царском дворе в Москве, в толпе богомольцев в Соловецком монастыре. Он мог присмотреться и оценить силу и слабость московского правительства; возможно, что у него были сообщники на севере. Поднимая восстание, он знал, что делал.

Впечатление подготовленности и даже некоторого подстрекательства извне казацкого движения подкрепляется сохранившимся отрывком одного дела о прокламации — „воровской грамоте", — адресованной донским казаком [1]). В ноябре 1665 г. в Москве

---

[1]) „Донские Дела" 1665 г., № 3 — дело это до сих пор не было известно. Должен отметить, что я имел возможность пользоваться неизданными донскими делами за 1663—1673 гг. по рукописи подготовленного к печати Археографической Комиссией тома VI „Донских Дел", — за что приношу глубокую благодарность Комиссии, и в частности: С. Ф. Платонову, В. Г. Дружинину и М. Г. Курдюмову.

в Успенском соборе была поднята „грамота за печатью красного воску на Дон к атаманом и казаком"; виновным оказался пензенский „розсыльщик" Никита Петров, успевший, однако, другой экземпляр „воровской грамоты" отправить на Дон через Саратов. К сожалению, текст самой прокламации не сохранился. Но, во всяком случае, ясно, что уже за несколько лет до восстания Разина недовольные в центре государства думали найти себе поддержку в донском казачестве и пытались вести там какую-то пропаганду. В Пензе и Саратове у них были, очевидно, сообщники; можно отметить, что впоследствии жители этих городов сразу добровольно примкнули к восстанию.

В 1666 г. донские казаки произвели как бы „репетицию" разиновщины в малом масштабе и убедились в своей силе, вернее — в слабости Москвы. 22 июня в Воронеж явились из верхних казачьих городков атаман Василий Ус (впоследствии — правая рука Разина) с 500 конных и пеших казаков, которые заявили, что они пришли на государеву службу, „где великий государь укажет быть". Им ответили, что „на службу никуды ехать не для чего" и предложили вернуться домой. Однако, они добились посылки от себя станицы к царю, в Москву; но, постояв некоторое время на Воронеже и „не дождався государева указа", казаки ушли „самовольством" — не обратно, не на юг, а на север. По пути они „подговаривали" крестьян, которые уходили с ними,

унося с собой, что могли из имущества; помещики были терроризованы. Приставала к ним и служилая мелкота — драгуны и солдаты Белгородского полка. Шайка дошла таким образом до реки Упы, не встречая нигде сопротивленья, и остановилась вместе с приставшими „ворами“ в 8 верстах от Тулы, где собралось множество дворянских жен и детей, бежавших „от казацкого страха и разоренья“. Тут казаки встретили свою станицу, возвращавшуюся из Москвы с царской грамотой, повелевавшей им вернуться на Дон. Но они не пожелали возвращаться с пустыми руками: атаман Василий Ус с 13 товарищами поехал опять в Москву бить челом о „жалованьи, чем бы им в свои казачьи городки доехать“. Удалось ли им добиться „жалованья“ — неизвестно; но, во всяком случае, Василий Ус с товарищами вернулся на Дон совершенно безнаказанно. Московское правительство предписало рассмотреть его дело самому войску — в войсковом кругу Ус отрицал, что он причинял кому-либо грабежи и разоренье, и войско признало его и его товарищей виновными только в излишнем служебном усердии — „что выходили на государеву службу без государева указу самовольством и без Войскового ведома“; за это „самовольство“ их лишили участия в дележе присланного из Москвы жалованья и учинили „жестокое наказание“ (в чем заключалось последнее — неизвестно [1]).

---

[1]) „Донские Дела“ 1666 г., №№ 2 и 6.

Легко понять, какое впечатление произвела подобная прогулка от Воронежа до Тулы на участников ее и на местное население. На Дону в декабре 1666 г. царский посланник В. Тяпкин, ехавший в Турцию, в городке Пяти-Изб встретил непослушание царскому указу и какие-то „невежливые слова, изменничьи речи“; по его заявлению, войско произвело розыск и опять-таки отрицало факт произнесенья „изменничьих речей“, а потому никакого наказания не учинило. В воздухе чувствовалась гроза. Количество беглых на Дону увеличивалось, „воровское“ настроение усиливалось, и войско не предпринимало никаких мер против этого. Воевода Царицына — ближайшего к Дону царского города, обязанный наблюдать за тем, что там происходило, — слал на Москву все время самые тревожные отписки.

II

Ранней весной (февраль-март) следующего 1667 г. в казачьих городках Паншинском и Качалинском (ближайших на Дону к Волге) обнаружилось многочисленное „воровское собранье“: до 2 тысяч человек намеревалось итти „воровать“ на Волгу, взяв струги и лодки в Царицыне открытой силой. Тут было много беглых из Руси; холопы и крестьяне с женами и детьми прибыли в донские казачьи городки в таком числе, что стал ощущаться недостаток в съестных припасах. Обо всем этом на Москве пре-

красно знали по донесеньям царицынского воеводы Унковского. 25 марта из посольского приказа была послана на Дон грамота (повторенная 17 апреля) с предписаньем послать от войска в Паншинский и Качалинский городки особо избранных атамана и есаула и „заказ учинить крепкий, чтоб они под Царицын и в иные места не ходили", а ослушников наказывать „по своему войсковому праву".

Эти факты заставляют подозревать правдивость той версии о начале похода Разина, которая развивалась войсковыми грамотами (от войскового атамана Корнилы Яковлева) 3-го и 6-го мая царицынскому воеводе Унковскому: будто бы Стенька с товарищами пошел было в Азовское море, несмотря на мир с азовцами, но по их отписке воротился и погреб мимо Черкасского городка вверх по Дону — войско послало за ним погоню, но посланные их „не догнали" и „не нашли" (?!); когда же Разин с 600 товарищей прибыл в Паншинский городок, куда к нему стали стекаться новые „воры", войско „велело собираться другим погонщикам, чтобы того Стеньку с товарищи из судов выбить". Но все это были одни слова: никаких серьезных мер к задержанию Разина со стороны войсковой старшины мы не видим — она не могла или не желала принимать их. Унковский имел основание донести в Москву, что Разин пошел на воровство из Черкасского, и войско ему ничем не препятствовало. Своих планов Разин не скрывал — на Дону все говорили, что к нему писал из далекого

Яицкого городка казак Федька Сукнин, участник „прежней станицы воровских казаков“ (не Парфения ли Иванова 1660—1661 гг.?), рекомендуя овладеть Яицким городком „и самому сесть в том городке и, выходя из того городка, на море и на Волге воровать“. И после ухода Разина, все лето 1667 года на Дону продолжалась вербовка новых отрядов отдельными предприимчивыми лицами: казак Микишка Волоцкий собрал 40 человек и хотел итти к Стеньке; в Голубинском городке торгаш (?) Ив. Мызников, приехавший из Черкасского, тоже успел набрать 40 конных казаков; в низовых городках „прибирал на воровство за Стенькою“ донской казак Ив. Серебряков и прибрал 250 человек. Эти сведения заставили московское правительство обратиться к войску с увещанием — грамота 23 июля 1667 года (писанная, повидимому, самим начальником посольского приказа, знаменитым дипломатом А. Л. Ординым-Нащокиным), написана в тоне лирического негодования: „Вы — не новокрещены, но искони служите великому Государю и всему Московскому Государству... А ныне что так отменно в вашем войсковом совете учинилось и нераденье на весь свет показали? Удивлению такое бесстрашие надлежит!.. И на Волгу к воеводам нашим не пишете, и за теми ворами не посылаете, и злого того их совету не разоряете!“ Несомненно, что в предприятии Разина были материально заинтересованы многие „старые“ и „добрые“ казаки, которые на свой счет снаряжали

голытьбу (оружьем и платьем); мы знаем, что когда через $2^1/_2$ года Разин вернулся на Дон из Персии, члены его шайки делились добычей с теми, кто ссудил их „капиталом“. Такое помещение капитала было настолько выгодно, что соблазнило и торговых людей из Руси: воронежцы — посадские люди, Иван Горденев и Трифон Хрипунов — ссудили Разина порохом и свинцом; и многие воронежцы привозили порох и свинец и продавали „ворам“, а у них покупали добычу.

В мае Разин появился на Волге и ограбил между Саратовым и Царицыным несколько судов, принадлежавших царю, патриарху, гостю Шорину и др. — приказчики были убиты, а „работные люди“ с насадов присоединялись к шайке. Между прочим, была освобождена и присоединилась к казакам партия ссыльных, отправлявшихся в Астрахань; они, по словам потерпевших, мучили и грабили „пуще прямых донских казаков“. Но этот мелкий разбой был не по Разину — ему нужна была база для предприятия гораздо более широкого масштаба. В его действиях виден определенный план: усилив свою шайку количественно и морально, благодаря первым успехам, он в июне с 1500 челов., в 35 стругах, спускается по Волге в море для того, чтобы достичь заранее намеченной (о которой было известно и московскому правительству) цели — Яицкого городка; еще из Саратова он послал на лошадях гонцов степью к яицким казакам, чтоб они шли к нему на

помощь. Астраханские воеводы не сумели его задержать; посланный навстречу Стеньке с астраханскими стрельцами воевода Беклемишев потерпел позорную неудачу: 3 струга стрельцов пристали к казакам, самого Беклемишева взяли в плен, ограбили и высекли плетьми, — но затем отпустили живым. Выплыв благополучно в Каспийское море, Разин отправился на восток, к Яицкому городку, который взял обманом: подойдя к городским стенам с несколькими товарищами, он попросил у коменданта, стрелецкого головы Яцына, разрешения войти в город „к церкви помолиться"; будучи впущены, они открыли ворота своим товарищам. Здесь была массовая кровавая расправа — очевидно, Разин хотел произвести впечатление: были казнены не только голова Яцын, но и много рядовых стрельцов, которым рубил головы астраханский стрелец Чикмаз, позднее, на следствии, сознавшийся в этом и сам назвавший цифру казненных им — 170. Гарнизон Яицкого городка обычно состоял из 400 „годовальников", астраханских стрельцов. Оставшиеся в живых, волею или неволею, присоединились к Разину. Чем была вызвана эта массовая расправа — неясно. Впоследствии 3 стрельца, из числа приставших к казакам, на допросе показали, что Разин первоначально предложил желающим отправиться в Астрахань, но когда таковые оказались и отправились было в паузке (небольшое судно), он велел нагнать их и перебить. Но так как этим свидетелям надо было объяснить тот факт, что

они оставались со Стенькою каким-нибудь извинительным мотивом (например, страхом подвергнуться избиению), то их показания не могут считаться вполне достоверными.

Из Астрахани были посланы на Яик полуполковник Иван Ружинский (иноземец-поляк) и головы стрелецкие, с солдатами и стрельцами, — но они были разбиты, частью разбежались по камышам, частью пристали к Разину, — и в Астрахани не досчитались 300 человек.

Разин прочно засел в Яицком городке и решил начать „добывать зипуны". В сентябре он на судах подошел к устью Волги и у протока Емансуги погромил татар-едисанцев, взяв полон: мужчин, женщин и детей. Астраханские воеводы уже не решались действовать оружием, а предпочитали уговариванья. В октябре в Астрахань прибыла делегация от донского войска, казаки — Л. Терентьев с товарищами, 4 человека, и отправились отсюда на Яик „с грамотой великого государя и с войсковой отпиской" к Разину „для уговору и чтоб они от воровства отстали, а шли б к ним на Дон". Разин встретил войсковую делегацию почтительно — собрал круг и, выслушав царскую грамоту и войсковую отписку, ответил, что готов принести повинную, если к нему еще придет государева грамота („как де к нему вперед государева грамота придет, и он де великому государю вину свою принесет"; тут неясно, какого содержания грамоты ждал Разин — вероятно, это была простая

отговорка); но отпустить в Астрахань бывших у него стрельцов и солдат, а также пленных едисанцев, он отказался. Совсем иначе обращался он с теми стрелецкими головами и сотниками, которые подсылались в Яицкий городок воеводами „для сговору“: один был убит и брошен в воду, двое повешены (февраль—март 1668 г.).

С кочевавшими на Яике калмыками казакам удалось наладить мирные отношения и оживленную регулярную торговлю; тут могло пригодиться то обстоятельство, что Разину уже приходилось иметь дело с калмыками, ведя переговоры с ними от имени всего донского войска в 1661 г. Слухи о том, что калмыки поссорились с казаками и осадили Яицкий городок, не подтвердились; возможно, что их распространяли сами воеводы с целью поднять настроение своих войск, которое было крайне шатким: стрельцы норовили при всяком удобном случае перейти к Разину. Неудивительно, что действия астраханских воевод были так нерешительны и безуспешны.

В Москве были недовольны ими, и в Астрахань были посланы новые воеводы: князь Иван Семенович Прозоровский, его брат Михаил и князь Семен Иванович Львов. Выбор нельзя назвать особенно удачным: новые воеводы проявили на этом посту лишь богомольность (ею отличался главный воевода И. С. Прозоровский, близкий друг астраханского митрополита) да общую всем московским воеводам

падкость на подарки; но никаких военных или административных талантов они не обнаружили. С ними были посланы подкрепленья ратными людьми — 4 приказа московских стрельцов (т.-е. 3—4 тысячи человек) и служилые люди с „Симбирской черты“, из Самары (200 человек) и Саратова. Но новые воеводы со своим войском двигались очень медленно, и Разин не стал ожидать их прибытия к Яицкому городку. 23 марта он покинул его и в 24 стругах вышел в море „за зипуном“. На этот раз морской разбой в Хвалынском море был предпринят в грандиозном, невиданном дотоле масштабе: Дагестан, Персия, восточный („трухменский“, т.-е. туркменский) берег Каспия — давали богатую добычу казацкому „войску“ в течение $1^1/_2$ года.

Оставленный Разиным Яицкий городок был немедленно занят высланным из Астрахани стрелецким головою Сакмышевым; связь между этими пунктами поддерживалась небольшими конными отрядами татар, причем каждый отряд оставался в Яицком городке 2 недели, а всего, с дорогой, проводил вне Астрахани месяц. Но когда, в июле того же года, на смену Сакмышеву был послан голова Болтин с 400 стрельцов, то он не застал уже своего предшественника: за день до его прибытия вспыхнул бунт. Сговорившись с „верховыми“ яицкими казаками, посаженными Сакмышевым в тюрьму, стрельцы освободили их, утопили („посадили в воду“) своего начальника и в одном паузке и 9 малых лодках 31 июля пошли в

море „на воровство“, выбрав в атаманы „старого воровского казака“ Рудакова, который был еще в шайке Кондырева. Они направились на Кулалинский остров (ныне остров Кулалы, у восточного берега, недалеко от форта Александровского), где построили укрепление, „городок“; затем половина их (130 человек) отправилась „к Трухменской стороне, сыскивать Стеньку Разина“. После их отъезда к Кулалинскому острову явился с сильным отрядом князь Львов (в сентябре 1668 г.) и после боя захватил в плен 112 человек, из которых половина была повешена в Астрахани, а остальных велено было прислать в Москву, а оттуда предполагалось сослать их в Холмогоры „в стрельцы на вечное житье“.

Вообще, Разин все время получал подкрепленья — главным образом, с родного Дона, возбужденного слухами об успехах своего казака; среди них много было и запорожских черкас. Еще зимой 1667—1668 г. г. во всех низовых городках многие собирались итти на Волгу и грозили побить войскового атамана К. Яковлева и иных старшин, которые, повидимому, пытались их отговаривать. Во главе их стал Сережка Кривой, — имевший, надо полагать, все данные, чтобы сделаться вторым Разиным, но рано кончивший свою бурную карьеру, — и с 700 товарищей (русских и черкас) 30 апреля 1668 г. перебрался с Дона на Волгу и пошел вниз. В устье Волги, на Карабузане, его встретил голова Гр. Оксентьев, но был разбит

и едва спасся в лодке с немногими людьми — большая часть его отряда разбежалась, около 100 человек примкнуло к воровским казакам, а попавших в плен начальников (в их числе поручика-немца) повесили за ноги. Как раньше Разина, так теперь и С. Кривого не сумели задержать — он вышел в море и присоединился к Разину у устьев Терека. Другие шайки шли к Разину сухим путем, через степи северного Кавказа, по рекам Манычу и Куме. Летом 1668 г. конные отряды казаков, донцов и запорожцев (всего 400—500 человек) появились на Куме и в низовьях Терека, близ гребенских казачьих городков: они грабили проезжих торговцев и, по слухам, тоже собирались примкнуть к Разину. На Дону вновь появился на сцене наш старый знакомый В. Ус, который стал прибирать конных казаков между новым Черкасским городком и Пятью-Избами. Ему удалось набрать 300 человек, и с ними он пошел было вверх по Дону к Волге, но их встретили и уговорили вернуться казаки войсковой станицы, возвращавшиеся из Москвы с царским жалованьем. За это войско получило царскую похвалу, а Ус пошел заглаживать свою вину и тратить воинственный пыл к воеводе Гр. Ромодановскому, сражаться с татарами и изменниками-черкасами (малороссами). Впрочем, В. Ус недолго сражался (если, вообще, сражался) под начальством московского воеводы — он сумел как-то пробраться к Разину, и в августе следующего 1669 г. мы видим его в Астрахани в качестве есаула Стеньки,

под именем „Чертова Уса“ [1]). Войсковой атаман К. Яковлев и вся старшина попала в трудное положение: очень не хотелось ссориться с царским правительством, присылавшим „жалованье“ и державшим в своих руках торговые пути на Дон, — но не было силы и возможности сдержать массу удальцов, жаждавших легкой добычи в Хвалынском море. Осторожный, хитрый Яковлев предпочел „сдать атаманство“ и на время удалиться от дел; войсковым атаманом был избран на его место другой, старый, заслуженный казак Михаил Самаренинов, определенный сторонник Москвы.

III

Покинув Яицкий городок, Разин подплыл к Чеченскому острову (в устье Терека) и потребовал продовольствия, боевых припасов и вина у местного князя, верного московского вассала Каспулата Мучаловича Черкасского, — но, повидимому, без успеха. У него было около 1000 человек; тут к нему присоединился С. Кривой, приведший 700 человек. Оттуда они пошли под Дербент и „Шевран“ (Ширван), разгромили последний, а также ряд поселений

[1]) „Moustaches de Diable“ у Стрюйса; другой иностранец, автор „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin“, писавший в 1671 г., тоже называет В. Уса, при котором в Астрахани был убит митрополит „Чортовым Усом“ — „Siorte-Ous“, „Relation etc.“ (à Paris MDCLXXII, p. 51).

на дагестанском побережьи, захватив ясырь, разное имущество и скотину и потеряв убитыми 13 человек; затем они пошли к Баку, где погромили посады, взяли 150 человек ясырю и 7000 баранов. Добычу они свели на Свиной остров, на расстоянии дня пути от Баку [1]).

До сих пор казаки грабили все эти места, находившиеся под властью персидского шаха, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, почти безнаказанно. Первый тяжелый удар они испытали в г. Реште („Ряше"), где было побито 400 казаков; есть известие, что они здесь перепились и подверглись внезапному нападению. Трудно установить подробности этого дела, и кто первый начал — обе стороны обвиняли друг друга. Во всяком случае, Разин попытался изменить тактику и вступил в переговоры широкого политического характера. В Испагань была послана к шаху делегация из нескольких казаков, которые заявили о своем желании перейти в подданство — „вечное холопство" — шаху, с условием, что им будет дано место для жительства на р. Куре [2]).

Персидское правительство некоторое время как будто колебалось, как отнестись ему к этому пред-

[1]) Свиной остров лежит недалеко от устьев Куры; к северу от него лежит другой остров — „Дуванный", название которого в настоящее время тоже свидетельствует о пребывании на нем казаков.

[2]) См. „Историческое Описание Земли Войска Донского", т. II, Новочеркасск, 1872 г., прим. 371; ср. „Акты Исторические", т. IV, стран. 391. По другим известиям („Материалы для истории возмущения Стеньки Разина" Попова, стран. 31) речь шла не о Куре, а о р. Ленкуре, — но тут, вероятно, ошибка.

ложению, которое уже имело прецедент в 1613 г., когда в Астрахани сидел донской казак Заруцкий с Мариной: не чувствуя себя в силах бороться с московским правительством новоизбранного царя Михаила, Заруцкий послал двух своих товарищей к шаху Аббасу, прося помощи казной и ратными людьми, за что предлагал шаху „царство Астраханское". Но погромы казаками персидских берегов скоро рассеяли сомнения шахского правительства: посланцы Разина были закованы, а один из них, в доказательство дружбы к московскому царю, затравлен собаками, в присутствии московского подьячего Колесникова.

Трудно сказать, насколько серьезны были расчеты Разина на персидское подданство и особое казачье „войско" на Куре. Скорее это был тактически маневр. Не дождавшись возвращения своих делегатов, он пошел на восток вдоль берега и разорил главный город провинции Мазандеран — Ферах-абад („Фарабат"). Здесь был сожжен шахский дворец, построенный Аббасом Великим: эти варвары, говорит француз Шардэн, уничтожили и расхитили здесь сокровища драгоценного фарфора, китайских ваз, чаши из сердолика, агата и проч., хрустальную посуду и прочие редкости; наконец, они разрушили во дворце большой бассейн из яшмы, покрытый золотыми украшениями [1]). По сведениям того же Шардэна, казаки

[1]) „Toutes les fois que je songe à la magnificence et aux délices de ce beau lieu — je ne puis m'empêcher de le regretter", восклицает он. Chardin „Voyages" (ed. Langlès, Paris, 1811), t. X, p. 137.

убили здесь около 1200 человек и взяли в плен 700; немногие христиане, проживавшие здесь (армяне), спасались тем, что кричали: „Христос! Христос!“ и усиленно крестились — казаки их щадили и не тронули их домов. Той же участи подверглось все побережье от Ферах-абада до Астрабада.

Слухи о подвигах Разина взбудоражили все окрестные страны; они возбудили тревогу даже в отдаленном Азове — азовцы сочли нужным чинить укрепления и усилить караулы. Приближалась зима, но казаки не думали уходить: здесь, на Мазандеранском побережьи, между Ферах-абадом и Астрабадом, на полуострове Миян-Кале, далеко вдающемся длинной узкой полосой в море, они построили деревянный „городок“ и осыпали его валом [1]). У них было множество полону, который они выменивали на христиан персидских пленников, усиливших собой казацкое войско; к ним, сверх того, приставали пришлые бедняки — „иноземцы скудные многие люди“. Полуостров был покрыт лесами, где водилось много дичи: оленей, кабанов, газелей и т. д. Здесь, в полутропической обстановке, казаки провели зиму; зима в Мазандеране — лучшее время года (средняя

---

[1]) Этот полуостров (иначе называемый пол. Потемкина) отделяет Астрабадский залив от моря.—Любопытно отметить, что Разин как бы указал этот пункт для будущей русской политики в Персии: в 1841 г. на острове Ашураде, составляющем продолжение полуострова, была основана русская военная морская станция, а после 1867 г. здесь была стоянка большей части каспийской флотилии.

температура января в Астрабадском заливе +7°). Это была любимая провинция Аббаса Великого, который построил здесь знаменитое шоссе, ряд дворцов и т. д.; ему приписывается шутливое замечание, что Мазандеран, обильный вином и свиньями, является раем для христиан (Шардэн).

Но положение казаков на персидском берегу было очень непрочно. В течение зимы персы несколько раз на них нападали и успели отбить значительную часть своих пленников; эти нападения заставили казаков снова сесть на суда и поплыть к самой конечности полуострова, отделенной от остальной части болотом. Тут они прожили до весны, когда климат Мазандерана делается убийственным от жары и сырости; много казаков умерло тогда от болезней.

Оставаться здесь они не могли. Несмотря на свои успехи, они не имели прочной базы, никакой „реки“, подобной Дону или Яику. Надежда основать новое казачье „войско“ на реке Куре под протекторатом персидского шаха, — если она вообще была, — исчезла: персидское правительство не могло не понимать, что развитая русско-персидская торговля (в которой деятельное участие принимал сам шах) и существование казачьего войска на Каспийском море — вещи несовместимые. Шах охотно готов был поддерживать казаков на Дону, когда они выходили на „промысел“ в Азовское и Черное моря, чиня „помешку“ его вечному неприятелю, султану: напр., в 1638 г., после взятия донскими казаками Азова („са-

мовольством", помимо желания Москвы) шах послал им „жалованье" деньгами и сукном; но в Хвалынском море вред их был бы гораздо больше возможной пользы. Казаки могли еще долго грабить берега Каспия; но реализация добычи становилась все труднее — даже хлеб приходилось добывать вооруженной рукой; а главное — им негде было закрепиться. И возникла тяга назад, на Дон.

Весной 1669 г. Разин пошел на восток к „трухменскому" берегу. „Трухменцы" умножили собой казачий ясырь, — но не обошлось без потерь и со стороны казаков: здесь был убит Сережка Кривой. Оттуда казаки пошли к Гиляни и 10 недель жили на Свином острове. Тут они одержали свою последнюю блестящую победу над персами: Астаринский хан собрал отряд персов и наемников, кумыков и горских черкес, всего 3.700 человек, и в июне 1669 г. на стругах напал ва Разина — и потерпел полное поражение: спаслось только 3 струга с немногими людьми; казакам досталось 33 пушки, и в числе пленных — сын самого хана [1]).

Однако, и у казаков были большие потери: в последних боях было убито и умерло во время зимовки около 500 человек. Разин мог опасаться, что его победа может оказаться пирровой, после которой он останется без войска. Персидское правительство го-

[1]) По персидским сведениям, это сражение было не на Свином, а на острове Сары, лежащем несколько южнее, у Ленкоранского побережья.

товилось к военным действиям, причем раздраженье персов было столь велико, что они обвиняли всех русских и даже московское правительство, — Шардэн сообщает, что при персидском дворе говорилось, что казаки подосланы тайно из Москвы; осенью 1669 г. в гребенских казачьих городках ожидали нападения персидского войска, которое будто бы должно было итти на Терек „за разоренье воровских казаков Стеньки Разина с товарищи". Свиной остров мог в любое время вновь подвергнуться нападению; на нем казаки страдали от недостатка пресной воды и болели; всякая возможность договориться с персами окончательно исчезла. С другой стороны, казаки должны были знать, что в Астрахани имеется на всякий случай царская грамота о прощении, если они принесут повинную. Тяга домой усилилась. Неудивительно, что после победы у Свиного острова, в конце июля, Разин поплыл со всем своим войском, в количестве 1.200 человек, к северу, чтобы пройти на Дон — Волгой, силой или хитростью, или, в крайнем случае, степями северного Кавказа.

IV

После почти $1^1/_2$ годового отсутствия за пределами Московского государства, 7 августа 1669 года казаки Разина подали о себе первую весть астраханским воеводам, явившись в устье Волги на учуг Басаргу, принадлежавший митрополиту, и забрав

там припасы и рыболовные принадлежности; одновременно они захватили в море две персидских „бусы“, на одной из которых везли лошадей (аргамаков) — шахский подарок русскому царю. В море немедленно был выслан воевода кн. С. И. Львов, имевший около 3.000 человек на 50 судах с пушками. Силы были слишком неравны — казаки повернули обратно в море. Тогда Львов, видя, что казаки уходят, послал к ним гонца с царской милостивой грамотой, объявлявшей прощенье, если они вернутся на Дон. „Никогда ни для кого помилованье не приходило более кстати“ — пишет находившийся в то время в Астрахани голландец Стрюйс. 19 августа к астраханским воеводам явились 3 казака, великолепно одетые, в шапках, украшенных жемчугом и бриллиантами, и „осмелились просить, пишет другой иноземец — очевидец, чтобы их предводитель был принят с почестями“; кн. Прозоровский, однако, отказал в этом, ссылаясь на то, что ему самому, куда он ни являлся в качестве воеводы, нигде не отдавали особых почестей. 25 августа явился сам Разин с товарищами и у приказной палаты положили бунчук, 10 знамен, выдали пленного ханова сына и нескольких персидских начальников, 5 пушек медных и 16 железных, но пушки малого калибра (всего 20) удержали, под тем предлогом, что они им понадобятся в степи, по пути от Царицына до Паншина городка, против крымских и азовских людей. На Москву от имени своего „войска,

Разин послал станицу из 6 человек, во главе с Лазарем Тимофеевым, „бить челом великому государю“, чтобы он „пожаловал, велел вины их, что они, будучи на Волге и на море воровали, отдать“.

Воеводы велели переписать казачий полон мужского и женского полу — персиян, бухарцев, туркмен; казаки показали у себя полону 95 душ, который воеводы предложили персидским купцам выкупать, так как просто отобрать его, „без окупу“, они не решались, в виду заявления казаков, что „полон в шахове области иман у них за саблею, многие их братья за тот полон в шахове области побиты и в полон поиманы, а ныне у них тот полон в разделе, доставалось пяти и десяти, а иным и двадцати человекам — один полоняник“. Товары, которые были захвачены на персидской бусе — хозяин ее успел бежать в Астрахань и теперь найсточиво требовал у воевод возвращенья своего имущества — тоже оказались „раздуванены“ и уже или проданы, или переделаны на платье. Не был отдан и подарок царю — аргамаки, которых Разин увез с собой на Дон. Таким образом, персиане должны были махнуть рукой на все, что у них награбили казаки. Впрочем, то, что потеряли жители Баку, Решта, Ферах-абада и др. персидских городов, в значительной степени приобрели их астраханские соплеменники; по свидетельству Стрюйса, в течение тех 10 дней, когда разиновцы стояли под Астраханью в своем стане, в городе шла оживленная торговля: сам он купил

золотую цепь, длиною в сажень, всего за 40 рублей (что равнялось 70 голландским флоринам), фунт шелку продавался за 3 копейки; „можно судить по этому, замечает Стрюйс, какую выгоду получали персиане и армяне, которые купили почти всю их добычу".

Разин сумел быстро перейти из положения только что помилованного преступника в положение народного героя, страшного для власть имущих угнетателей, и благодетеля масс. Он часто появлялся в городе в толпе своих товарищей, выделяясь среди них только благоговейным почетом, которым его окружали; когда к нему обращались, то запрещалось называть его иначе, как „батька" („batske, что на их языке означает отец", сообщает Стрюйс). За короткое время своего пребывания в Астрахани Разин сумел приобрести, главным образом своею щедростью, расположение почти всего населения. Предание говорит, что он дал богатые дары и воеводам, которые поэтому отнеслись к нему и к его шайке более чем снисходительно. В том же обвинял их впоследствии, в 1672 г., персидский посланник (в письме к А. С. Матвееву): „астраханские воеводы тех воров принимали с честью и пили-ели, денно и ночью с ними вместе тешилися"; [1]) на требование персиан возвратить шахову казну и пленных, воеводы будто

[1]) Это относилось, вероятно, главным образом к С. И. Львову, который, по другим, русским, известиям, даже побратался со Стенькой, так что тот пил, ел и спал в его доме.

бы отвечали, что „те казаки холопи великого государя, а не воры, и вина де им отдана; а что взяли они грабежом животы и ясырь, то им зачтено в жалованье и никому до того дела нет". Но поведение воевод в данном случае определялось, быть может, не столько корыстными мотивами, сколько страхом. Они свободно вздохнули только тогда, когда Разин со своими товарищами покинул Астрахань (4 сентября 1669 г.).

В Москве остались очень недовольны действиями воевод и прислали им выговор за то, что они не отобрали у казаков награбленной добычи, не привели их в церкви к присяге, „чтоб им впредь не воровать", и отпустили их из Астрахани без государева указу. Воеводы оправдывались: воровских казаков было слишком много, „береженья к ним держать было некем", так как „астраханских служилых людей малолюдно, и те шатки и к воровству склонны". К тому же они могли сослаться на прецедент: И. Кондырев и другие прежние воровские атаманы, которые „вины свои приносили" в Астрахани, не приводились к присяге, на поруки не давались и свободно отпускались домой по Волге. Наконец, воеводы указывали, что все делалось ими „с совету" митрополита астраханского Иосифа.

Путь Разина от Астрахани до Дона был важным моментом в истории разиновщины. Мы видим, как быстро по дороге идет „революционизированье" движения: столкновения с администрацией делаются

все чаще и острее, действия Разина становятся все смелее, принимая характер открытого восстания. Через неделю после ухода Стеньки, 10 сентября, в Москву была отправлена партия „колодников", среди которых были астраханские стрельцы, взятые в плен кн. Львовым на Кулалинском острове; арестантов сопровождал сильный конвой из 4 приказов московских стрельцов. В 20 верстах ниже Черного Яра они неожиданно наткнулись на Разина, который подвигался очень медленно и успел остановить струг с казенным хлебом, шедшим из Казани в Астрахань, и переманить к себе из конвоя 11 казанских стрельцов; их начальник благополучно откупился бочкой вина. От Черного Яра до Царицына Разин плыл то сзади, то обгоняя московских стрельцов, и за это время к нему успели бежать трое из кулалинских пленников; но Разин добивался освобождения всех и, явившись к стрелецким головам, он требовал этого, угрожая взять их силою. Напуганные головы старались избавиться от опасного попутчика; когда Разин прибыл в Царицын (1 октября), они, не доезжая до него, остановились, соорудили земляной городок, в котором просидели, как в осаде, не решаясь двинуться, все время, пока казаки стояли в Царицыне.

В Царицыне Разин почувствовал себя вполне хозяином положения. Услышав жалобы на воеводу Унковского, что он берет взятки и притесняет донских казаков, приезжающих в Царицын за солью и

для всяких покупок, он пригрозил Унковскому смертью, если тот и впредь будет поступать так же. Боясь расправы над собой, воевода спрятался; однако, ему не удалось избежать побоев — к нему как-то в приказную избу явился один казачий старшина, запорожец, „легко пьян“, бранил „всякою неподобною бранью и за бороду его Андрея драл“, как жаловался сам воевода. Тюрьма была открыта и „сидельцы“ выпущены; проходившие мимо струги казаки останавливали и грабили; у одного стрелецкого сотника отняли царские грамоты, которые он вез в Астрахань, и бросили их в воду. К шайке пристало много „беглых подговорных людей“, которых Разин отказался выдать: „того у казаков не повелось, чтоб беглых людей отдавать“; не отдал он и привезенных из Астрахани пушек.

5 октября Разин покинул Царицын, направляясь к Пяти-Избенному городку. Здесь его встретили восторженно: разведчики Унковского донесли ему, что донские казаки рады приходу Стеньки „и называют его отцом“. Эта радость понятна: „голутвенные“ радовались по той причине, что ожидали от него новых успешных походов „за зипуном“, а состоятельные казаки — так как вернулись их должники, которых они снабдили когда-то оружием и платьем, „отпуская для добыч из полу“; теперь начался дележ. Царицынский воевода пребывал в постоянном страхе, так как его агенты категорически заявляли, „что на весну от казаков без воровства, конечно, не

будет, потому на Дону стало гораздо много, а кормиться им нечем, никаких добыч не стало".

Так закончился 1-й период разиновщины. С первого взгляда действия Разина в 1667 — 1669 гг. являются простым „воровством", разбоем, притом по преимуществу вне русских пределов. Но уже в этом периоде в нем обнаружились черты революционного движения: к Разину приставали изменявшие правительству стрельцы, которых он отказался выдать; было убито много „начальных людей", и убийства остались безнаказанными; на обратном пути царицынский воевода подвергся побоям под предлогом защиты населения от притеснений. Плавание по Хвалынскому морю дало Разину и его шайке хорошую поживу. Впрочем, важны были не столько материальные результаты — ибо добыча, вероятно, скоро была пропита после продажи ее за бесценок в Астрахани,— сколько результаты моральные: Разин был окружен ореолом непобедимости, товарищи его боготворили; рассказы о смелых набегах в далекой, полутропической стране со сказочными богатствами должны были привлекать толпы новых охотников. Но ясно было, что повторить еще раз всю операцию с тем же исходом не удастся — Разин становился слишком опасным для московского правительства, чтобы оно могло второй раз простить его. Таким образом, надо было или навсегда поставить крест на экспедициях в Каспийское море и обратить все силы на Черное, где „промысел" становился все труднее и все бес-

плоднее в материальном отношении, а зависимость от поддержки (ратными людьми и жалованьем) со стороны Москвы — все теснее, или решиться на открытое восстание против московского правительства. Едва ли Разин, выходя на Волгу весной 1667 г., думал, что его поход „за зипуном“ превратится когда-нибудь в поход на Москву; перед его глазами были примеры Кондырева и многих других „воровских“ атаманов, которые, пограбив на Хвалынском море, получали прощенье под условием возвращения на Дон. Но ход событий повернул дело по иному и, так сказать, натолкнул его на восстание. Экспедиция Разина приняла — быть может, неожиданно для него самого — слишком крупный масштаб; шайка оказалась сильнее московских воевод и, чувствуя свою силу, позволяла себе действия, которые принимали уже характер не уголовный, а политический. Пребывание в Астрахани в 1669 г. и путь оттуда на Дон наглядно показали, что сила его — и сила огромная — в недовольстве народных масс. Не в характере его было, испытав сладость власти и славы, пренебречь этой силой и открываемыми ею возможностями, смириться и удовольствоваться той карьерой, которая была обычна для казачьих атаманов на Дону. Стрюйс влагает в уста Разина, при отъезде из Астрахани, в ответ на предложение посланного воеводами иноземца, капитана Видероса, вернуть перебежчиков, следующую речь, которая по стилю гораздо более подходит к западному дворянину XVII века, нежели

к донскому казаку, но верно передает и настроение Разина, и всю создавшуюся обстановку: „Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе. Он советует мне отослать к нему моих друзей! Скажи ему, что вот мой замысел: он увидит меня раньше, нежели думает, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочем, ты можешь дать ему следующий ответ: я — князь (?), рожденный свободным и независимым; власть воеводы слабее моей. Наверное он не знает об этом, а для того, чтобы поведать ему о том, я и приготовлюсь навестить его“ [1]). „Не оставалось сомнения — добавляет Стрюйс, — что он ушел с целью произвести новые опустошения и кровопролития“.

---

[1]) Цитирую по переводу П. Юрченко — „Русский Архив“ 1880, кн. I, стран. 94. Соловьев в своей „Истории“ (т. XI) попытался „исправить“ Стрюйса и переделал речь Разина, чтобы придать ей местный колорит; прием этот едва ли методологически правилен.

ГЛАВА III

ВОССТАНИЕ

I

Прибыв на Дон, Разин прежде всего решил создать себе собственную резиденцию, городок, который находился бы в полном его распоряжении. Он выбрал островок на Дону, недалеко от впадения Северского Донца, между станицами Кагальницкой и Ведерниковской, на расстоянии двух дней пути от Черкасского. Таким образом, он перехватывал два главных пути в Русь — две судоходные реки. Отношения его к казацкой старшине, имевшей свою опору в Черкасском городке, весьма характерны: обе стороны боялись друг друга и не хотели вступать в открытую борьбу, воздерживаясь, однако, и от всяких переговоров (по крайней мере, открытых). Московские агенты доносили своему правительству, что у Стеньки с войсковым атаманом Михаилом Самарениным и другими старшинами „ссылки ни о чем не бывало“, и что он „стоит в городку Кагальнику смирно, задоров от него ни с кем нет“. В Черкасском у Разина оставались жена и дети, а также брат Фролка — их ему удалось увезти „подсылкой“ к себе в Кагальник (впрочем, очень может быть, что старшины не старались препятствовать их бегству, не желая раздражать страшного атамана).

Всю зиму Разин провел в энергичной подготовке новой кампании, цели которой им скрывались. Он не отпускал своих казаков из Кагальника иначе, как на краткий срок и за поруками о возвращении, и то только „тутошних прежних донских жильцов“ — в казачьи городки для свидания с родителями. Силы его быстро росли: он пришел на Дон с 1500 чел., в ноябре у него было уже 2700, а к весне 1670 чел. — около 4.000 человек; к Разину шли казаки с Дона, Хопра и Запорожья, получая от него ссуду. Побеги холопов и крестьян из Руси на Дон приняли эпидемический характер — это видно по тем грамотам о задержании беглых, которые рассылались в феврале 1670 г. по южным городам (в Тулу, Воронеж, Тамбов и целый ряд других).

Пополняя свое войско, Разин старался обеспечить себя и союзниками: он деятельно сносился с запорожскими черкасами — турецким вассалом Дорошенком и запорожским кошевым Серком. Осенью 1669 г. Стенька даже выражал желание уйти в Запороги, если станица, посланная им из Астрахани к царю, не вернется [1]). Но он остался, и, наоборот, много запорожцев пришло к нему в Кагальник. Чер-

[1]) Эта станица, во главе с Лаз. Тимофеевым, была отослана из Москвы не на Дон, а в Астрахань, „вины свои заслуживать“. Однако, по дороге, проехав Пензу, на р. Медведице станичники отняли у своих проводников оружие и лошадей и поехали на Дон. Л. Тимофеев играл видную роль в восстании и при ликвидации его был выдан казаками, прислан в Москву и там казнен.

кас было много еще в первом походе Разина, и, быть может, еще больше — во втором: по показанию одного подьячего, бывшего при взятии Астрахани в 1670 г., большая половина донских казаков состояла из „хохлачей-черкас".

Свой отряд Разин постарался обеспечить и в материальном отношении, задерживая торговых людей, которые плыли по Дону сверху на судах с продовольствием и всякими товарами, и заставлял их торговать у себя в Кагальнике; точно так же он не пропускал на низ „зимовых" казаков, которые летом расходились на охоты за зверем и рыбой, а зимовать приходили в „войско" (т.-е. Черкасский городок), — им он заявил, что они там не нужны, и если азовцы нападут на войско, то он сам пойдет к нему на помощь. Последнее заявление еще раз указывает, что Разин по отношению к родному войску старался сохранить, хоть бы по внешности, лойяльные отношения. Но это же обстоятельство заставляло московское правительство очень подозрительно относиться к поведению войска; и когда в декабре 1669 г. в Москву прибыла из Черкасского станица с атаманом Ив. Аверкиевым во главе, ее задержали и сослали в Холмогоры, а на Дон отправили жильца Герасима Евдокимова (ездившего к казакам и в предыдущем году) разузнать о положении: где Стенька, собирается ли он весной двинуться в поход, и куда именно?

Как раз в это время (март 1670 г.) Разин решил, наконец, открыть свои карты и, приехав в Черкас-

ский, сразу повел агитацию: созвал круг и „учал говорить воровские развратные речи, наговаривая, чтоб к их воровству иные приставали". Известить об этом государя поехал сам войсковой атаман Самаренин с двумя товарищами — тайно, без отписки от войска. Он заявил в посольском приказе, что они, атаман и „старые" казаки, возражали в кругу Стеньке, который, чтоб застращать их, „добрых казаков побивал и в воду метал". Это показание внушает сомнения: кто именно из „добрых" казаков был убит, — неизвестно, и никаких сведений об этом мы больше не имеем; во всяком случае, виднейшие главари московской партии — Яковлев, Самаренин, Родион Осипов и др. — остались невредимы.

В конце марта на Дон прибыл Евдокимов. Его приняли с обычными почестями: войсковой атаман Корнила Яковлев созвал круг, где вычел царскую грамоту; послу было предложено готовиться к отъезду с войсковой отпиской и станицей, для выбора которой должен был быть созван еще раз войсковой круг, во вторник (первый круг состоялся в воскресенье). Но в понедельник приехал в Черкасский Разин с товарищами и на следующий день явился в круг. Здесь он остановил выборы и потребовал привести в круг Евдокимова, которому задал вопрос: от кого он к ним поехал — от государя или от бояр? Тот отвечал, что он приехал от великого государя с царской милостивой грамотой; тогда Разин закричал, что он приехал к ним не с грамотою,

а шпионом („лазутчиком"), и стал бранить и бить. Его сообщники добили Евдокимова и тело его бросили в воду. К. Яковлев пытался вступиться за Евдокимова, но Стенька пригрозил ему такой же смертью и сказал: „ты владей своим войском, а я владею своим". Эти слова, переданные свидетелем, валуйским „вожем", провожавшим Евдокимова с Валуйки на Дон, хорошо характеризуют тогдашнее положение на Дону: было два „войска", ведших прямо противоположную политику, из которых ни одно не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы вступить с другим в вооруженную борьбу; численный перевес в этот момент был на стороне Разина, но авторитет „старых" и „нарочитых" казаков был еще силен. Разин прожил в Черкасске $1\frac{1}{2}$ недели — вероятно, вербуя сторонников — и затем пошел в верхние городки, объявив свое намерение — итти Волгой „с боярами повидаться". Когда он ушел, К. Яковлев вынул из воды тело Евдокимова и похоронил; провожатых Евдокимова он прятал еще несколько недель, а потом отпустил тайно, без отписки, наказав сообщить обо всем в Москве на словах [1]).

---

[1]) Убийство царского посла не в первый раз случалось на Дону — в 1630 г. был убит казаками посол Карамышев, привезший им от царя „опальную" грамоту, за то, что они воевали с турками и татарами вопреки неоднократным запрещениям из Москвы. Московское правительство тогда на 3 года прервало всякие сношения с донским войском, но затем их восстановило по собственной инициативе, когда ему вновь понадобились военные услуги казаков.

Вскоре после ухода Разина из Черкасского туда были присланы к нему „листы“ Дорошенка и Серка, которые звали его к себе и назначали время и место встречи. Войско послало догонять Стеньку с этими листами Фрола Минаева, которому велело говорить, чтобы Стенька вернулся назад. Но было уже поздно: 13 апреля ночью Разин спустил свои суда в Волгу и окружил Царицын — ближайший к донскому войску форпост московского правительства. В войске его было 7.000 человек. Осаду Царицына он поручил своему ближайшему помощнику, есаулу Ваське Усу, а сам совершил набег на улусы едисанских татар, кочевавших в 30-ти верстах от города, на р. Сарпе, и захватил большую добычу и полон. Между тем, к Усу явилось несколько царицынских жителей, которые стали вести переговоры о сдаче — дело было слажено к моменту возвращенья Разина, и когда казаки вошли в город через ворота, отпертые жителями, они не встретили сопротивления; только воевода Тургенев с племянником и своими людьми, десятком московских стрельцов и тремя царицынскими жителями, заперлись в башне, которая была взята приступом, защитники ее изрублены, а воевода на другой день утоплен в Волге; но племянник и люди Тургенева были пощажены — Разин велел им „быть при себе“.

По взятии Царицына, Разин прежде всего укрепил город, построил новый острог, навез туда запасов с остановленных на Волге судов и затем со-

звал круг, где изложил свое намерение: „воевод из городов выводить“ и „итти к Москве против бояр“; круг выразил ему полное доверие („и казаки... на его слове положили на том, как он говорил, против его речей“). В это время ему донесли, что сверху по Волге идет отряд московских стрельцов в тысячу человек с головой Иваном Лопатиным, посланный для береженья Царицына. Отряд опоздал на несколько дней и жестоко поплатился за это: войска Разина напали на него в 7 верстах выше Царицына с двух сторон — стрельцы упорно сопротивлялись, стремясь пробиться к городу, где надеялись найти поддержку, — но там их встретили пушками. Половина отряда погибла в бою; голову, сотников, пятидесятников и десятников „посадили в воду“; остальных Разин посадил к себе на суда в качестве гребцов, для похода вниз к Черному Яру, где стоял отряд, высланный на помощь Царицыну из Астрахани, под начальством старого его знакомого князя Львова. В Царицыне Разин ввел казацкое устройство — вместо воеводы жители выбрали „атамана городового“, к которому Стенька придал одного из своих товарищей. Пленным стрельцам казаки говорили, что они бьются за изменников, а не за государя, — „а он, Стенька, бьется с войском за государя“. Оставив в городе $^1/_{10}$ часть своих войск и выслав особый отряд на север для овладения Камышиным, Разин двинулся к Черному Яру; с ним пошли и многие царицынцы — быть может, не вполне уверен-

ные в прочности его завоеваний и поэтому стремившиеся уйти вместе с его войском. Под Черным Яром Разин не встретил того сопротивления, какое оказал ему отряд Лопатина. Уже по дороге от Астрахани стрельцы сговаривались между собой (как гласит произведенное позднее следствие) „к ворам пристать и, соединяся с ними, итти под Астрахань и боярина и воевод, и приказных, и иных чинов добрых людей побить", причем они были уверены, что „астраханцы, которые остались в Астрахани, город им сдадут". У кн. Львова было около 3.000 чел., но почти никакого сопротивления он оказать не мог; большая часть его отряда перебила своих голов и сотников и перешла к казакам. Но сам Львов остался в живых — Разин его пощадил и повез с собой в Астрахань; впрочем, ему не суждено было избежать смерти от руки восставших.

II

8 июня в Астрахань прибежал спасшийся из отряда Львова стрелецкий сотник Тарлыков с вестью о катастрофе. Воеводы отправили его с отписками в Москву кружным путем: морем на Терек, откуда он должен был ехать степью на Дон [1]). Астрахань

[1]) Тарлыкову не суждено было доехать до места назначения: дорогой он утонул в Тереке, а по другим, косвенным, сведениям (письмо Д. Бутлера), его утопили жители Терека, принявшие сторону Разина.

была укреплена так, что могла сопротивляться стотысячному войску; но настроение жителей и гарнизона было таково, что ни на кого нельзя было положиться. Воеводы не питали на этот счет никаких иллюзий; главный воевода, кн. И. С. Прозоровский, по словам Стрюйса, знал, „что народ презирал его, что он хвалил только Разина"; находились смельчаки, которые прямо заявили воеводе, что он „довольно хозяйничал и что теперь настала очередь управлять властелину более сведущему и достойному". Стрельцы потребовали денег, так как им за прошлый год не заплатили жалованья. У воевод денег не оказалось, и они обратились к митрополиту, который выдал из митрополичьей казны 600 рублей да из Троицкого монастыря велел выдать 2.000 руб.; эти деньги были розданы стрельцам за 4 дня до падения Астрахани.

Прибыв с войском под Астрахань, Разин послал к воеводам с предложением сдаться одного попа и холопа, принадлежавшего кн. Львову. Воеводы велели попу заклепать рот и посадить в тюрьму, а второму посланцу отрубить голову на виду у „воровских" стругов. Посовещавшись со своим ближайшим другом и советником, митрополитом Иосифом, кн. И. С. Прозоровский созвал на митрополичий двор астраханцев — стрелецких пятидесятников и „старых лучших людей", всячески уговаривал их и взял обещание „стоять за дом пречистые Богородицы и великого государя"; однако, замечает летописец, они забыли свое обе-

щание, не побоявшись „будущего воздаяния“, и первые изменили. Сознавая ненадежность русского гарнизона, Прозоровский остатки надежды возлагал на иноземцев: по городу ходили дозоры из персиан, черкесов и калмыков; офицеров-немцев он угощал обедами и давал им подарки, но те чувствовали, что дело плохо, и думали о бегстве [1]). Достойно замечания, что один из них, капитан корабля „Орел“, Бутлер, получил (от тех же лиц, которые передали воеводам требование Разина о сдаче) письмо на немецком языке, в котором советовалось ему, если он хочет остаться в живых, воспретить своим людям сражаться и ни во что не вмешиваться. Но большинство иноземцев остались верными правительству до конца, и почти все погибли. Той же участи подверглись русские дворяне; по сообщению Стрюйса, на военном совете в Астрахани, перед осадой, так как было ясно, что „верность простых воинов подозрительна“, то „многие дворяне предложили занять их места и были приняты с похвалой“. Социальный характер вооруженной борьбы определялся этим с полной ясностью.

На рассвете 23 июня войска Разина пошли с лестницами к городским стенам на приступ, и почти нигде не встретили сопротивления; напротив, стрельцы и жители помогали им: „дворян сотников,

[1]) Так, большая часть экипажа, только что выстроенного для Каспийского моря корабля „Орел“ (среди них—голландец Стрюйс, оставивший нам свои записки) тайно бежала в шлюпке в Персию.

боярских людей и пушкарей начаша сещи прежде казаков сами" — пишет автор современного „Сказания о граде Астрахани". Бутлер видел англичанина полковника Томаса Бэйли, израненного своими же стрельцами; один немецкий капитан (повидимому, Видерос) был схвачен на его глазах своими слугами и умерщвлен, и т. п. Раненый кн. И. С. Прозоровский был казнен — брошен с раскату (колокольни) и похоронен в общей могиле с другими жертвами восстания, в количестве 441 чел., в Троицком Астраханском монастыре. Кизилбашский (т.-е. персидский) посол со 100 чел. заперся было в башне, но через час сдался — с ним обошлись сравнительно вежливо, отняли только саблю, и Разин предложил ему написать шаху об обмене его на тех казаков, которые остались в плену в Персии во время первого их похода. Зато „животы" посла навсегда пропали для него. Дольше всех, до полудня, держалась „пыточная башня" в Кремле, где затворились черкесы, люди кн. Черкасского, и пушкари — всего 9 человек, — которые, расстреляв весь порох, выпрыгнули из башни и пытались спастись бегством, но были изрублены.

Первым делом победителей был „дуван": казна, оказавшаяся в приказной палате, имущество убитых „начальных людей", а также крупных торговцев — товары из гостиных дворов Русского, Гилянского, Индийского и Бухарского — были свезены в татарское предместье („Ямгурчеев городок") и поделены.

В Астрахани Разин провел около 4 недель. Город получил казачье устройство, по типу „войска", с делением на тысячи, сотни и десятки, которое находилось в тесной связи с практикой „дувана"; позднее, во время следствия кн. Одоевского в Астрахани, принадлежность к мятежникам определялась, главным образом, по тому, состоял ли обвиняемый в „десятке" или „сотне" и брал ли „дуваны". В своем лагере, за городом, Разин привел всех астраханских жителей к присяге „в том, что им за великого государя стоять и ему, вору Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить". Церемония эта производилась чин-чином: „и в то время были у него в войске попы со кресты"; два священника, которые попробовали его „обличать", жестоко поплатились: одного „посадили в воду", а другому отсекли руку и ногу. Вообще, Разин, не допуская никаких возражений, требуя беспрекословного повиновения своей воле, вместе с тем, старался показать себя верным слугою государя: день именин царевича Федора Алексеевича он счел нужным праздновать и с сотней своих есаулов и казаков был в гостях у митрополита, который должен был их принимать и, вероятно, угощать.

Весьма важным был в Астрахани „женский вопрос". Многие казаки и приставшие к ним „гулящие люди" были холостыми — и весьма замечательно, что нет никаких указаний на то, чтобы при взятии города были какие-нибудь насилия над женщинами.

Восставшие решили обзавестись семьями „по закону“ и брали себе в жены вдов и дочерей убитых врагов. Женой — и притом богатой — обзавелся В. Ус, ставший во главе города; волей и неволей также была разобрана женская половина многочисленной дворни кн. Прозоровского. Жена подьячего Алексеева, повешенного по приказанию Разина, вышла за „гулящего человека“ Онофриева (б. дворцового крестьянина Казанского уезда), по его утверждению на следствии — добровольно, и прижила с ним дочь. На этой почве возникали драмы: напр., в 1672 г., когда производил следствие кн. Одоевский, одна женщина донесла на своего мужа (астраханского стрельца, который женился на ней в то время, когда Астрахань была казачьей), что он похваляется бежать на Дон и снова, собрав воровских казаков, Астрахань взять, а сверх того — что у него есть „воровские заговорные письма“. У него, действительно, нашли какую-то тетрадку, и хотя выяснилось, что он „грамоте не умеет“, несчастного сожгли. Выход замуж за одного из участников восстания мог быть иногда лучшим исходом для женщин высшего класса, которые теперь особенно нуждались в защите: по словам „Сказания о граде Астрахани“, казачьи жены не давали проходу женам дворянским, и сотников стрелецких, и подьяческим, „ругающе всячески и называюще изменничьими женами“.

В общем, со времени взятия Астрахани до отъезда Разина, массовых погромов и кровавых расправ не-

заметно — повидимому, грозный атаман умел держать свое войско и жителей в подчинении. Но сам он часто предавался своему пороку — пьянству; а в пьяном виде он делался жестоким. Незадолго до отъезда из Астрахани, он потребовал к себе сына покойного кн. И. С. Прозоровского и стал его спрашивать, где таможенные пошлинные деньги, которыми будто бы завладел его отец. Тот ответил, что эти деньги хранились в приказной палате у подьячих А. Алексеева с товарищами; приведенный Алексеев подтвердил эти слова. Разин затем спросил молодого Прозоровского: „где ваши животы?“ Тот смело ответил, что животы его отца подверглись разграблению, которым руководил есаул Разина — Иван Хохлач. Тогда Разин велел повесить Прозоровского за ноги на городской стене, а подьячего Алексеева — повесить на крюке за ребро; затем он велел повесить за ноги и младшего сына Прозоровского, еще мальчика. Жертвы висели всю ночь; утром Разин приехал к месту казни и велел старшего Прозоровского снять и кинуть с раскату, а младшего отнести матери; подьячий Алексеев умер, и его тело отдали матери на погребенье, а на его место Стенька приказал повесить ханова сына, взятого им в предыдущем году в плен у персидских берегов и отданного было на свободу воеводам, который на свое несчастье не мог во-время уехать из Астрахани.

Но что, в пьяном виде, Разин делал сам, до того он старался не допустить жителей. Подьячий Ко-

лесников, в общем не имевший оснований обелять Разина, который, по его словам, поста не имел, всегда ел мясо и держался „богомерзких сатанинских дел", рассказал следующий характерный эпизод: к Стеньке пришли астраханские жители и заявили, что многие дворяне и приказные люди попрятались и остались в живых, „и чтоб он позволил им, сыскав их, побить", так как, в случае прихода к Астрахани царского войска, „они им будут первые неприятели". Разин ответил уклончиво, что когда он уйдет, тогда они пусть делают, как хотят, „а для расправы оставливает он им казака в атаманы, Ваську Уса"; таким образом, погром был отсрочен до конца пребывания Стеньки в Астрахани.

Разин покинул Астрахань 20 июля, оставив там половину астраханцев, а из донских казаков — с десятка по два человека; во главе их он поставил своих есаулов — Ваську Уса, Федьку Шелудяка и Ивана Терского.

Овладение Астраханью имело огромное значение: пал один из крупнейших городов Московского государства, важный торговый пункт, сильная крепость; восстание приобретало обеспеченный тыл, с выходом в море, в другие государства. Астраханцы с энтузиазмом встретили Разина, бились в его войсках не за страх, а за совесть, и даже, когда Стенька был разбит, взят в плен и казнен, они продолжали сопротивление, предприняв даже под командой Федьки Шелудяка новый поход под Симбирск. Покидая

Астрахань в июле 1670 г., Разин мог чувствовать себя владетелем целого „царства“, воспоминания о котором были еще свежи в народной памяти, сохраняясь в языке, — „Царства Астраханского“.

III

Отправляясь вверх по Волге „с боярами повидаться“, готовясь к решительной схватке, Разин постарался обеспечить себе тыл. Кроме Астрахани, ему важно было иметь опору в родном донском войске: поэтому, достигнув Царицына, он послал на Дон вместе с увезенной из Астрахани казной сильный отряд в 2 тысячи человек. Благодаря этому, сторонники Разина на Дону имели перевес над своими противниками до самого конца 1670 года; отсюда же отправлялись их отряды в Слободскую Украину, где восстание увлекло часть новых поселенцев — черкас.

Из Царицына с Разиным пошло к Саратову около 10.000 человек. Саратов и затем Самара сдались без боя; воеводы были утоплены, дворяне и приказные люди перебиты и во главе каждого города поставлены атаманы. До Симбирска Разин не встречал почти никакого сопротивления — гарнизоны приволжских городов по своему социальному составу и политическому настроению мало отличались от астраханцев. Но под Симбирском он встретил отпор со стороны местного воеводы И. Б. Милославского и

подошедшего к нему на помощь кн. Ю. Н. Барятинского с сильным отрядом (правда, первая встреча с Разиным кончилась поражением Барятинского, который потерял обоз и должен был отступить на север, к Тетюшам); поэтому, хотя симбирские жители сочувствовали Разину и активно ему содействовали (благодаря им, ему удалось взять острог), но центральную крепость — „город“ — казаки взять приступом не смогли и вынуждены были перейти к осаде. Осада Симбирска длилась целый месяц, с 4 сентября по 1 октября; эта задержка позволила московскому правительству собрать силы и погубила Разина.

В то время, как Разин шел по Волге и, наконец, застрял под Симбирском, его посланцы с „прелестными письмами“ (прокламациями) рассеялись от Волги к западу и к северо-западу, подымая крестьян и посадских против помещиков и воевод. Разин шел по линии наименьшего сопротивления: зная, что в массах сильна вера в царя (все их беды — от „злых советников“), он объявлял, что идет на Москву побить бояр „по указу великого государя“; но так как царь сидел в Москве и от его имени действовало то правительство, против которого он поднял восстание, то он прибег к испытанному московскому средству — самозванщине. Он распространял слух, что старший сын царя, Алексей Алексеевич, умерший в январе 1670 г., жив и находится с ним, Разиным. По словам анонимного автора — англичанина

(в общем, довольно точного и добросовестного), для пущей правдоподобности, Разин имел среди своих судов корабль, обитый красным бархатом, на котором будто бы находился царевич — в действительности, один черкесский князек, взятый им в плен во время походов в Каспийское море. Другой корабль был обит черным бархатом, и говорили, что на нем находится опальный бывший патриарх Никон [1]). Боевой лозунг („ясак") восставших был: „Нечай", — „а то у нас и ясак Нечай, что вы не чаете царевича", объясняли казаки и прибавляли, что когда они победят, тогда „увидят царевича все крестьяне". Возражавших они обвиняли в измене: „ты изменяешь царевичу государю Алексею Алексеевичу и Никону патриарху и батюшке нашему Степану Тимофеевичу". Примкнувшие к восстанию священники в церквах молились за патриарха Никона и за „все великое войско".

Это соединение имен патриарха Никона, бывшего „великого государя", одно время фактически замещавшего царя, проведшего знаменитую церковную реформу, вызвавшую раскол, а в данный момент сидевшего узником в Ферапонтовом монастыре, и „воровского" донского атамана — крайне любопытно. Что дело не ограничивалось пользованием одним именем бывшего патриарха, что Разин пытался войти

[1]) „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Rasin contre le Grand Duc de Moscovie", traduit de l'anglais-A Paris MDCLXXII, pp. 27—29. Повидимому, с его слов, то же (о двух кораблях) рассказывает Шурцфлейш.

в связь с Никоном—об этом свидетельствует „дело“ патриарха Никона, где записано его собственное показание, что к нему в Ферапонтов монастырь приходили три казака и приглашали итти с ними (их было „готово“ около 500 человек) к Кириллову монастырю, взять там казну, пушки и запасы и итти на Волгу; его обвинили в том, что он в то время об этом „умолчал“ и государю не донес. Разин на пытке показал, что к нему под Симбирск приезжал от Никона старец с предложением итти вверх Волгой,—„а он, Никон, с свою сторону пойдет для того, что ему т о ш н о о т б о я р; да бояре же переводят государские семена... А сказывал де ему (Разину) тот старец, что у Никона есть городовых людей с пять тысяч человек; а те де люди у него готовы в Белоозере. И тот старец в бою был, исколол своими руками сына боярского при нем, Стеньке“. Это показание подтвердили с пытки ближайшие сподвижники Разина—Лазорка (очевидно, Лазарь Тимофеев) и брат Стеньки—Фролка; старец от Никона приходил еще в Царицын и был под Симбирском; впрочем, что говорил он Разину, они не знали, но „от Стеньки слышали всем войском“ именно то, что показал с пытки Стенька. Возможно, что этот „старец“ был тоже самозванцем и никакого поручения от Никона не имел; но несомненно, что Разин пытался сноситься с Никоном (и тот, повидимому, был склонен поддерживать эти сношения) и широко пользовался его именем для своих целей.

Агитация Разина имела значительный успех; восстание распространялось с ошеломляющей быстротой: в октябре оно охватило все пространство между Окой и Волгой (в пределах нынешних губерний — Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Казанской и Нижегородской). Мелкие отряды казаков Разина, главным оружием которых была пропаганда (в декабре 1670 г. воевода Юрий Долгорукий отправил в Москву целый мешок отобранных им „воровских писем"), брали один город за другим и шли дальше, увеличиваясь, как снежный ком. Город Корсунь был взят без выстрела, так как он был заранее покинут служилыми людьми, переехавшими в Симбирск; два донских казака, явившись туда, оказались полными хозяевами города — устроили круг, где вынесли смертный приговор подьячему и стрелецкому голове. Из Корсуни „воры" отправились в Саранск, где еще до их прибытия воевода был убит жителями, которые пристали к ним; из Саранска выступил далее на Пензу, под начальством донского казака, атамана Мишки Харитонова, отряд уже в 100 человек. В Пензе повторилась та же история: градские люди изменили и воевода с подьячим и пушкарем были побиты; здесь Харитонов оставался 6 дней, и в это время к нему прибыло подкрепленье в 600 человек конных, приехавших степью из Саратова. Из Пензы Харитонов пошел во главе 900 человек к Нижнему и Верхнему Ломовам: жители Н. Ломова „город сдали и воеводу и подьячих побили", — „да и Верхнего го-

рода Ломова служилые люди вором сдалися и воеводу убили". Следующим этапом победоносного движения Харитонова был Керенск, откуда воевода бежал, а служилые люди сдались; из Керенска отряд (численностью уже свыше 1000 человек) пошел к Шацку, где впервые повстанцы потерпели поражение от царских войск. Они отступили к Ломовам и уже собирались уйти обратно к Разину в Симбирск; но ломовские жители (так, по крайней мере, показал один из атаманов, донской казак В. Федоров, взятый в плен) настояли на новом наступлении: „мы де под Шацкой пойдем всеми головами", и, действительно, пошли (а также керенцы), взяв с собой из города 7 пушек. Однако, и это наступление оказалось неудачным — пришлось отступать. Но, до того, расстояние около 400 верст (по прямой линии) было пройдено в несколько недель. Вообще, жители местных городков проявили большую симпатию к разиновцам и большую активность, призывая их к себе и участвуя в сраженьях против царских войск. Из деревни Кременки (Ардатского уезда) пошло „в казаки" 200 человек, и жители заявили, что если этого мало, „то они де все пойдут по головам"; после поражения Разина под Симбирском, ломовцы послали в Саратов разведать, где он ныне, и звать его к себе весною — „а они де ему на помочь готовы".

Так же быстро восстание распространялось в северном направлении, в пределах нынешних Казанской и Нижегородской губерний; одно время (уже

после поражения Разина под Симбирском) серьезная опасность грозила самому Нижнему Новгороду. Здесь особенно видную роль играли инородцы — чуваши, черемисы, мордва, которые составляли подавляющее большинство в местных отрядах; их, в силу незнания русского языка, воеводы могли притеснять и эксплуатировать совершенно безнаказанно, и они, естественно, ненавидели их смертельно. Но и тут национальные мотивы не вытесняли вполне классовых: например, трое богатых чувашей (богатые среди них вообще были исключением) в г. Цивильске выступили доносчиками — „на цивильскую чувашу в измене извещали", за что их „домишки" и „животишки" подверглись разорению „воровскими людьми". Но инородческие отряды, несмотря на свою многочисленность (иногда больше 10.000 человек), были в боевом отношении очень слабы (вооружение их состояло из рогатин, луков, топоров, кос и т. д.) и легко разбивались гораздо меньшими правительственными отрядами.

Вообще, призыв Разина встретил отклик не только среди холопов и крепостных крестьян. Напротив, наиболее энергичными его сторонниками оказались жители городов, которые здесь были, в значительной степени, служилыми, а не только посадскими людьми. „Пущие заводчики в воровстве те, доносил князь Долгорукий из Арзамаса, которые присланы от Стеньки Разина из Симбирской черты стрельцы и казаки, да будники" (рабочие на „будах", т.-е.

поташных заводах). Следует отметить и деятельное участие духовенства: в Козьмодемьянске во главе движения стоял поп соборной церкви М. Федоров, в Темникове — попы Савва и Пимен, в Арзамасском уезде — тоже какой-то поп и т. д. Среди крестьян наиболее отчаянными оказались государевы дворцовые крестьяне — крепостные самого царя (в частности, в крупных нижегородских селах, Лыскове и Мурашкине).

В Москве только после взятия Астрахани оценили опасность положения. 1-го августа 1670 г. была объявлена мобилизация всего столичного дворянства — стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов: на Постельном Крыльце был прочитан царский указ, перечислявший все преступления Разина и предписывавший всем немедленно ехать в Москву, чтобы сражаться „за великого государя и за все Московское государство и за свои домы“; те, которые, „тотчас не поедут и учнут жить в домех своих“, будут лишены поместий и вотчин, которые будут отданы „челобитчикам, которые будут в службе“. Главнокомандующим был назначен боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, товарищем его — стольник князь К. Щербатов. Но сборы продолжались целый месяц: 28 августа Долгорукий был у царя — „у руки, на отпуске“, — с ним был и его отряд „в ратном платье“; войско выступило в поход из Москвы 1 сентября. Повидимому, именно к этому времени относится то описание смотра дворянского

войска, которое даст иноземец Яков Рейтенфельс. Этот смотр, по его словам, продолжался 8 дней и поразил всех своей пышностью: в двух милях от города, среди обширного поля, был выстроен дом, обтянутый красной материей; кругом него стояли пушки и перед ним — царский престол, мимо которого „проходили знатные военачальники со своими конными отрядами, приветствуя царя низким наклонением головы, и, спешиваясь, представляли ему, без замедления, донесения о своем отряде... Богатое убранство солдат, бывших на этом смотру, хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизною тканей и азиатской роскошью. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках, из которых исключительно состояло все это войско, не только из-за их блестящего, разнообразного оружия, но и вследствие блестящего вида их одежд. За каждым из них вели разукрашенных коней, без седоков, а в поводу, в сопровождении многочисленной свиты рабов. У коней не только гривы, шея, голова, ноги и копыта блистали серебром, золотом и драгоценными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и чапраки были до того отягчены драгоценностями, что лошади насилу могли двигаться“.

Как бы преувеличено ни было это описание Рейтенфельса, несомненно, что московское правительство, желая произвести эффект смотром этого войска, тем самым подчеркивало классовый характер раз-

вертывавшейся гражданской войны: дворяне ехали сражаться „за домы свои“ против подымающегося, под влиянием внешней силы — донского казачества — закрепощенного крестьянства. Однако, блестящая внешность дворянского войска не соответствовала его дисциплине и боеспособности — князь Долгорукий впоследствии доносил из Арзамаса: „у нас малолюдно — стольников объявилось в естях 96 человек, а в нетях 92, стряпчих в естях 95, а в нетях 212, дворян московских в естях 108, а в нетях 279, жильцов в естях 291, а в нетях 1508“. Бюрократический абсолютизм не мог развить чувства ответственности и в высших слоях населения — даже смертельная опасность их социальным привилегиям не смогла вдохнуть энергию и пробудить самодеятельность в московском дворянстве... Если московское правительство победило, то не силой своего дворянского ополчения, а при помощи новых формирований по западно-европейскому образцу — Разин был разбит этими полками, которыми в значительной степени командовали иноземцы. Офицеры-иноземцы, после ликвидации восстания, получили особую благодарность царя.

Решительный бой произошел под Симбирском, где у Разина было 20 тысяч человек. 1 октября на выручку осажденному Милославскому подошли войска Барятинского, по дороге несколько раз разбивавшие шайки, состоявшие по преимуществу из инородцев. Произошло кровопролитное сражение у р. Свияги,

продолжавшееся до вечера, в котором сам Разин был ранен саблей и пулей в ногу, едва не попал в плен и должен был отступить к Симбирску. Бой возобновился на второй день (3 октября). Разин стремился взять город приступом, но это ему не удалось. Тогда, ночью Разин посадил на суда донских казаков и, объявив остальному войску, что идет против Барятинского, поплыл вниз, обратно на Дон [1]).

Поражение Разина не было концом восстания. Напротив, в октябре и ноябре оно продолжало шириться. Эмиссары Разина волновали народ в самой Москве, где начинали уже, по словам современника-иностранца, громко говорить, что Стенька — не вор, но ищет общего блага и свободы народа („que Stenko cherchoit le bien public et la liberté du Peuple"), что его надо встретить хлебом-солью („en lui présentant le pain et le sel — ce qui parmy les Russiens est une marque de tendresse et d'amitié"). Число восставших иностранный наблюдатель опре-

---

[1]) Такова была официальная московская версия, набрасывавшая на Разина тень подозрения в предательстве товарищей; но в показаниях рядового свидетеля дело представлялось иначе: после боя, к Разину „перекинулся" перебежчик из города с вестью, что царские войска намерены захватить казачьи струги—тогда он кинулся к ним „с легкими людьми, а достальные шли к стругам отводом, и государевы люди тех всех побили, а которые метались в струги, и те все от тяжелости потонули и с стругами, и меж себя воры за суды кололись, потому что в суды наметалось их много". *А. И. Соловьев* — „С. Разин и его сообщники в пределах нашей Симбирской губ.", приложение, № 11, стран. 44.

делял в 200 тысяч человек — эту цифру нельзя считать преувеличенной. Но восстание потеряло свое организующее ядро; разрозненные действия мятежников в одиночку беспощадно подавлялись царскими войсками: в бою на реке Кандаратке (недалеко от Алатыря), по донесению Барятинского, его воины отличились — „секли их воров так, что в поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать, а пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи потекли". Пленных рубили и вешали без суда. По сведениям того же иностранца, было казнено мятежников (не считая убитых в сражениях) 11.000 человек. Центром карательной деятельности Долгорукого стал Арзамас; по словам современников, город напоминал своим видом изображение ада: кругом стояли виселицы, на которых висело по 40—50 человек; валялись отрубленные, окровавленные головы; многие, посаженные на кол, жили до третьего дня и даже говорили [1])... Поволжье было „успокоено".

IV

Когда Разин явился после Симбирского поражения на Дон, он вовсе не чувствовал себя уничтоженным: с ним было его основное ядро испытан-

[1]) „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin", pp. 26—27, 34—35. Впоследствии, при усмирении булавинского бунта, царь Петр, требуя максимальной „жесточи", рекомендовал ознакомиться с донесениями князя Юрия Алексеевича.

ных товарищей, был обеспеченный фланг в Царицыне и Астрахани (где сидел В. Ус); и к весне он подумывал снова о наступлении, так как после всего, что случилось, надежды на примирение с Москвой у него не могло быть. Тем важнее для него было упрочить свое положение на Дону и уничтожить здесь партию московской ориентации.

Еще в то время, когда Разин стоял под Симбирском, его партия имела перевес в самом Черкасском городке. Когда туда пришла царская грамота, войсковой атаман К. Яковлев, прочтя ее в кругу, попытался уговаривать казаков: „говорил, что де мы веры христианские и соборной и апостольской церкви отступили, пора де нам покаяться и дурость отложить и великому государю служить попрежнему". — „И тое де речь им донским казаком в кругу говорил трожды со слезами" — доносил валуйский „вож" (проводник), вернувшийся с Дона, куда отвозил царскую грамоту. „Слезы" атамана подействовали, и казаки выбрали было ехать в Москву станичным атаманом Родиона Осипова (Калуженина), но затем снова одолели сторонники атаманом Разина — „вольские" (волжские) казаки, пригрозившие посадить в воду того, кто поедет, — „и станицу посылать к великому государю к Москве отговорили". После симбирского поражения влияние Разина, естественно, упало; но, все-таки, и теперь первое время он был сильнее своих противников. В феврале 1671 г. он явился со своими единомышленниками к Черкасскому

городку и стоял под ним неделю, „и их всякими своими воровскими прелестями прельщал, чтоб ему лестью войтить в город, и их страшил побить, а в войске учинить многую смуту". Так доносил К. Яковлев, ссылаясь на „малолюдство", которое мешает ему „промысл учинить" над Разиным, и прося присылки ратных людей на помощь. Но иначе изображал поведение Яковлева сторонний свидетель — азовский ага (комендант, начальник янычар): „Родион и атаман К. Яковлев первые великому государю изменники, и его, вора изменника Стеньку Разина отпускали на воровство они" — говорил он московскому послу, сообщая, что после поражения под Симбирском Разин побежал в Кагальник, а оттуда — в Черкасской к К. Яковлеву, „и, напився пьян, валялся в шубе соболье, а их, Корнила и Родиона, в то время дарил: Корнилу дал шубу рысью, а Родиону котел серебряный, и они де, потчивав вора, отпустили от Черкасского в Кагальник на своей лошади", вместо того, чтобы задержать и выдать его государю. Действительно, роль Корнилы Яковлева не вполне ясна и, во всяком случае, двусмысленна — впоследствии, когда восстание было окончательно подавлено, царский манифест об этом 15 января 1672 г. говорит, что донские казаки К. Яковлев с товарищами „с ним (Стенькой) в том злом замысле были", но потом „обратились от злоб своих", схватили и выдали Разина. Корнила Яковлев был старый казак, родом, повидимому, мало-

росс (первоначально он был более известен под прозвищем „Черкес"), искушенный в бою и в дипломатии. Еще в 1646 г. он был ранен в сражении с татарами и за исцеленье, по обету, ездил молиться соловецким чудотворцам; в 50-х и 60-х годах он был несколько раз походным атаманом, между прочим, в грандиозном морском походе в Крым и Анатолию в 1659 г., когда было взято 2000 чел. ясырю; в 1661 г. он был ранен на приступе под Каланчинскими башнями. Он часто ездил станичным атаманом в Москву, где хлопотал по войсковым делам в посольском приказе; в 1660 г. он был впервые избран войсковым атаманом и впоследствии многократно переизбирался. Родион Осипов-Калуженин был сыном очень чтимого в свое время войскового атамана Осипа Петрова и приходился ему, Яковлеву, пасынком; Осип Петров умер, повидимому, в 1660 г., и К. Яковлев, таким образом, принял от него и атаманство и жену. По словам англичанина-современника (осведомленность которого уже отмечалась выше), Разин был крестником Яковлева; несомненно, во всяком случае, что между ними были старинные близкие отношения; отчасти, быть может, благодаря этому обстоятельству, внутренние несогласия донского войска в течение всего этого времени не переходили в вооруженное столкновение. К. Яковлев предпочитал лавировать, действовать уговорами и „слезами". Но когда вопрос был поставлен ребром: или царь — столь могущественный, столь необходи-

мый для борьбы с татарами и с турками, или Разин — разбитый, потерявший ореол непобедимости — Яковлев и вся казацкая старшина не долго колебались. Родиону Осипову, приехавшему в Москву, было сказано, что „хотя вашей измены и не было в том деле", но было попустительство, и дано прямое приказание: „поимав тех воров Стеньку и Фролку, привесть к Москве, а иным бы пущим заводчикам указ учинить по войсковому праву".

В апреле 1671 г. К. Яковлев во главе верного ему войска пошел из Черкасского к Кагальнику, который был взят приступом, многие были побиты, а Стенька и Фролка Разины схвачены живыми, закованы в кандалы и отвезены в Москву под конвоем станицы, во главе которой ехал сам Яковлев. Он получил в Москве осязательное доказательство благодарности московского правительства: сверх обычного „жалованья на приезде", ему дали 100 золотых червонцев — цена крови его крестника... „Волчий зуб и лисий хвост" — эта поговорка очень подходит к этому тоже, по своему, недюжинному человеку.

По дороге Фролка совсем пал духом и Стенька старался его подбодрить, напоминая славное прошлое и говоря, что их впереди ожидает почет — самые знатные жители Москвы выйдут им навстречу. Действительно, под Москвой их встретила огромная толпа народу, собравшаяся смотреть на того, чье имя возбуждало столько страха и, быть может, еще больше надежд. Разин ехал в телеге, на которой

стояла виселица, закованный в цепи, с опущенной головой; за телегой, прикованный к ней цепью, шел Фролка. Стеньку пытали; но его показание не сохранилось (мы имеем только отрывочные сведения о нем). Он был казнен 6 июня 1671 г. Когда его вместе с братом взвели на лобное место и прочитали им приговор, он несколько раз перекрестился на церковь Казанской Богородицы, потом повернулся и три раза поклонился народу, произнеся: „Прости!“ („Prostie, qui signifie: Pardonnez-moi“; „Relation“, p. 49). Затем за него принялся палач, который сначала отрубил правую руку, потом левую ногу у колена, затем голову топором. Есть известие, что, глядя на мучения брата, Фролка, чтобы хотя отстрочить свою собственную казнь, закричал, что он „знает слово государево“; тогда Стенька, который до тех пор стоически молчал, прикрикнул на него: „Молчи, собака!“ („Contine linguam, canis! — russica lingva: Multshi, sabacka“ — Шурцфлейш).

Фролка пережил брата на целых 5 лет — его держали в тюрьме и пытали, надеясь, что он еще что-нибудь скажет, — и казнили только после смерти царя Алексея.

Казнью Разина не кончилась разиновщина. Астрахань и Царицын оставались в руках мятежников. Здесь не место рассказывать историю вторичного похода мятежников (во главе с Ф. Шелудяком, заменившим умершего В. Уса) под Симбирск, их поражения, осады и взятия Астрахани — это выходит

из рамок настоящего очерка. Но для оценки личности Разина необходимо сказать несколько слов о результатах поднятого им движения.

Восстание нашло отклик и за Волгой, далеко к северу, — шайки сторонников Разина действовали в Ветлужском краю и доходили до Тотьмы и Устюга. Агенты Разина появились и в Соловецком монастыре, отказавшемся принять новые богослужебные книги и выдерживавшем в течение семи лет, с 1668 до 1675 г., осаду (впрочем, очень вялую) московских войск. Серьезность положения видна из отзывов иностранцев; в частности, Шурцфлейш пишет, что восстание довело московское правительство до крайне критического состояния (non modo perturbavit sed etiam in extremum discrimen abduxit) и поразило страхом не только Московию, но вся Европа, в ожидании исхода, некоторое время находилась в состоянии неизвестности (non modo Moscovia metu percussa, sed etiam tota Europa expectatione futuri eventus aliquandiu suspensa est). В одних шведских „курантах" было напечатано сообщение из Риги от 19 ноября 1670 г., что бывший московский патриарх стоит во главе целого войска вместе с Разиным, и царь ищет случая с ним мириться, к чему и тот склоняется, но на следующих условиях: Разин признается царем казанским и астраханским, получает на свое войско жалованье — 20 бочек золота, а также восемь ближних бояр царя выдаются ему на казнь; и, наконец, прежний патриарх возвращается в свой прež-

ний чин [1]). Только благодаря неорганизованности восставших, и при помощи западной военной техники, московскому правительству удалось выйти победителем. Буря утихла, и поверхность взбаламученного моря как будто бы успокоилась. „Крутое владание“ (так характеризовал московский государственный строй хорват Ю. Крижанич) стало еще круче. Но Разин оставил после себя резкий, неизгладимый след и в памяти и в судьбе руского народа.

Непосредственные результаты его поражения прежде всего сказались на Дону. Донское войско купило милость Москвы дорогой ценой — оно поступилось правилом, что „с Дону выдачи не бывает“, что в чем бы ни провинился донской казак, хотя бы против московского правительства, он может быть судим и наказан только самим войском, „по их казачьим правам“. Стенька и некоторые из его сообщников были выданы московскому палачу; в Черкасский городок пришли для поддержки „добрых“ казаков рейтары и драгуны под начальством стольника Касогова. Кончился романтический период в истории донского казачества... В связи с успехами колонизации степной Украины Московского государства, его крепостнический и бюрократический строй медленно, но неуклонно надвигался с севера и дол-

[1]) Московское правительство сочло нужным представить шведскому, чтобы оно распорядилось „за вышеписанные и ложные куранты наказать жестоко“. *А. Попов* — „История возмущения Стеньки Разина“, примечание 27 (стран. 81—82).

жен был в близком будущем поглотить вольности этой своеобразной разбойничьей республики.

На севере, в пределах собственно Московской Руси, память о Разине жила во все время существования крепостного права, петля которого затягивалась все туже и захватывала все большие массы населения. Особенно на юго-востоке, где разиновщина всколыхнула всю толщу населения, традиции ее оказались прочны: крестьянство ждало своего освободителя, своего вождя, который поведет его против притеснителей, — и взоры его были обращены на казачество. Сто лет после Разина здесь появился другой донской казак, потрясший всю Российскую Империю, достойный соперник Стеньки — Пугачев.

ГЛАВА IV

СТЕНЬКА РАЗИН И ЕГО ВРЕМЯ

(Материалы для характеристики).

I

Восстание и судьба Разина сами по себе настолько богаты красками, что рано привлекли к себе внимание не только историков, но и поэтов. Одно из писем Пушкина к его брату (1824 г.) кончается просьбой прислать „историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории". Но личность Разина до сих пор рисовалась историкам немногими резкими чертами, как натура совершенно первобытная, не знающая меры в своем удальстве и жестокости. В особенности, Костомаров не пожалел густых красок для его портрета: „В его душе была какая-то страшная, мистическая тьма. Жестокий и кровожадный, он, казалось, не имел сердца ни для других, ни даже для самого себя; чужие страдания забавляли его, свои собственные он презирал. Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, церковь — все, что связывает личные побуждения человека, — все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало сострадания.

Честь и великодушие были ему незнакомы. Таков был этот борец вольницы, в полной мере изверг рода человеческого, вызывающего подобные личности неудачным складом своего общества". Тут перед нами — злодей ложноклассической трагедии, а не живой человек. Собственно, личностью Разина, как таковой, не интересовались — он был лишь олицетворением, носителем известного абстрактного начала; настоящего Разина даже не пробовали узнать. Соловьев, исходя из своей общей концепции русского исторического процесса, видел в нем выразителя начала анархии („хаотического брожения народных сил"), боровшегося в русской жизни с государственным началом. Этот взгляд укоренился в русском образованном обществе — на этом основании Бакунин считал Разина первым („и самым страшным") революционером в России. Поэтому-то и в раннем народничестве мы видим склонность идеализировать Разина и разиновщину, как протест против государства; Плеханов в 1879 г. утверждал, что они (т.-е. землевольцы) „a priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие. Мы пришли к Земле и Воле". Любопытно, что народники видели применение своих общественных идеалов в донском казачестве — этой республике работорговцев! Но это — давно прошедшие времена; наша задача — дать материал для портрета настоящего Разина, закре-

нить подлинные черты этой сильной и яркой, во всяком случае, недюжинной индивидуальности.

Прежде всего, следует отметить, что Разин вовсе не был голутвенным казаком — бедняком без роду, без племени, ставшим казаком со вчерашнего дня, которого жизнь ожесточила против всех привилегированных, сильных и богатых. Напротив, он принадлежал к числу „старых“ низовых казаков; его отец тоже „служил“ в войске, и сам он успел отличиться, заслужить почет и уважение, его посылали в „зимовой“ станице в Москву, послом к калмыкам. Если неверно иностранное известие, что К. Яковлев был крестным отцом Разина, то, во всяком случае, несомненно, что он был в близких отношениях с ним. При таких условиях Разин, казалось бы, должен был пойти той же дорогой, какой шли „лучшие“ донские казаки до и после него: предводительствовать в походах, приезжать в Москву, получать там жалованье „на приезде“ и „на отпуске“ и сделаться, быть может, современем войсковым атаманом. Что же выбило его из этой наезженной колеи?

По современным иностранным известиям, поводом возмущения Разина послужила смерть его брата, который с отрядом донских казаков сражался в польской войне 1654 — 1667 г., под начальством кн. Ю. Долгорукого: с наступлением зимы атаман со своими казаками самовольно ушел было из похода домой на Дон, но его догнали, схватили и повесили; Стенька будто бы тогда решил отмстить за

брата. Но сами же авторы, передающие этот эпизод, замечают, что он был только предлогом [1]), так как походы Стеньки прежде всего направились против персов, которые в смерти его брата были неповинны. Предполагать же, что Разин направился в Персию с заранее обдуманным намерением создать себе там славу, богатство и войско для того, чтобы всем этим воспользоваться для борьбы с Москвой, — нет достаточных оснований. История не делается по плану ее героев; мы видели выше (конец II главы), как стихийно совершалось перерождение разбойного движения в революционное. Казнь брата — эпизод, сам по себе вполне правдоподобный, — могла возбудить в Разине ненависть к боярам и, в частности, к князю Долгорукому; когда Стенька бывал в Москве и Соловецком монастыре, ему могла приходить в голову мысль о возможности революционного переворота. Но предположить сложный план движения на Москву по маршруту Яик-Персия — было бы слишком рискованно. Разин был увлечен на путь восстания стихийным ходом событий — независимо от того, была или не была у него мысль о нем раньше.

Причина восстания была в общем кризисе на Дону и во всем Московском государстве; попытка обрисовать в общих чертах этот кризис была дана выше (гл. I). На Дону в 60-х годах выход в Черное

---

[1]) „Ce n'estoit qu'un prétexte" — „Relation"; ср. Стрюйс.

море „за эипуном“ стал крайне затруднителен; с другой стороны, область наполнялась потоком беглых из Руси, где давление государственного и помещичьего гнета достигло высокого напряжения. Почва для восстания была прекрасно подготовлена — нужны были вожди. Подвиги в Каспийском море выдвинули Разина в положение такого вождя; обстановка открывала широкие возможности, и у Стеньки было достаточно честолюбия и темперамента, чтобы броситься использовать их.

Главная черта характера Разина, на которую указывали историки, — его жестокость. Конечно, его никак нельзя назвать мягким и гуманным; он не останавливался перед массовыми расправами: в Яицком городке были срублены головы 170 стрельцам, при взятии Астрахани перебито 441 чел.; убийства сопровождают всю его деятельность 1667 — 1670 гг. Н. Фирсов видел в его жестокости даже что-то патологическое. Однако, наше впечатление от жестокости Разина будет очень ослаблено, когда мы обратим внимание на то, что творилось в его время на Руси (да и в Западной Европе); следует вспомнить, что это было время всевозможных утонченных видов смертной казни. Вспомним ужасы карательной деятельности князя Долгорукого в Арзамасе, который „своим видом напоминал изображения ада“ (Долгорукий не ушел от народной мести — его убили во время стрелецкого мятежа в 1682 г.); количество жертв восставших незначительно по сравнению с

количеством людей, которых вешали, рубили, сажали на кол и т. д. усмирители. Конечно, бытовые условия донского казачества (особенно низового) менее всего могли привить уважение к человеческой жизни: в своем „промысле“ казаки, если щадили людей, то для того, чтобы продать их в рабство [1]); но и к ним относились не лучше: Стрюйс (отнюдь не сочувствовавший мятежникам, от которых бежал в Персию) передает, что перед отплытием из Астрахани войска князя Львова, отправлявшегося против Разина, на виду всего флота повесили полуживого пленного казака, которого москвитяне „так жестоко измучили, что самые грубые из его врагов выразили к нему сожаление“. Таким образом, отмечая жестокость Разина, мы только констатируем черту эпохи; Разин был ее сыном и в этом отношении мало отличался от массы своих современников.

Правда, когда Разин бывал пьян (к вину он, повидимому, имел большую склонность), он мог проявить жестокость бессмысленную, для забавы. Такова описанная выше казнь сыновей Прозоровского, подьячего Алексеева и несчастного персианина, ханова сына (хотя, если справедливо сообщение Стрюйса о казни

---

[1]) Как относились к ним, с своей стороны, турки, видно из того, что в мае 1661 г., на приеме польских послов, перед „диваном“ было выставлено 100 казачьих голов, отрубленных у донских казаков, павших или взятых в плен под турецкими башнями в устьях Дона. *Hammer.*—Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. III, S. 517 (2 изд. 1835 г.).

Стенькиных послов, вторично посланных им в Персию, то казнь ханова сына могла быть местью за них). Но ему вовсе не были чужды добрые чувства и благодарность. Один из астраханских воевод — кн. С. И. Львов, с которым Стенька был в приятельских отношениях во время своего короткого (менее двух недель) первого пребывания в Астрахани, — не только остался жив, но сохранил и свое имущество; только впоследствии, при В. Усе (когда Разин уже был пленником), он был убит и его „животы" раздуванены. Мы видели, что в Астрахани летом 1670 г. Разин не допустил погрома дворян и приказных людей, разрешить который просили астраханцы, и постарался, по крайней мере, отсрочить его; с отъездом Разина жестокости усилились, убийства участились. Ясно, что главная причина астраханских убийств была в озлоблении местных жителей, а не в Разине, который скорее играл сдерживающую роль.

Наконец, в качестве примера необузданной жестокости Разина приводится знаменитый эпизод с „персидской княжной". Документы молчат о нем; его передал Стрюйс, рассказ которого я приведу полностью:

Во время своего первого пребывания в Астрахани, Стенька раз катался в лодке, выкрашенной и вызолоченой. Он пил и веселился; около него сидела персидская княжна, взятая в плен во время последних набегов, брата которой он отдал воеводе. „Пируя целый день, он напился до пьяна; вот эта-то

невоздержанность стоила жизни несчастной персианке. Будучи сильно пьян, он облокотился на край лодки и, смотря задумчиво на Волгу, после нескольких минут молчания, вскричал: „Нужно признаться, ни одна река не может сравниться с тобой, и нет славнее тебя. Чем я только не обязан тебе за то, что ты доставляла мне столько случаев отличиться, и за то, что дала средства скопить столько сокровищ? Я обязан тебе всем, что имею, и даже тем, чем я стал. Но в то время, как ты составляешь мое богатство и осыпаешь меня благодеяниями, я испытываю неприятное чувство неблагодарности. Хотя бы это произошло от бессилия, оно все-таки не оправдывает меня и не лишает тебя права жаловаться на меня. Ты, может быть, поступаешь так даже теперь, когда я так говорю, и мне кажется, что я слышу твои жалобы и упреки за то, что я не позаботился предложить тебе что-нибудь. Ах, прости, любезная река! Я признаюсь, что обидел тебя, и если этого признанья недостаточно, чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете; нет более достойного изъявления моей благодарности, и ничто не может доказать лучше мое почтение за милости, которыми ты осыпала меня“. С этими словами он подбегает к княжне, (хватает) ее и, одетую в золотую парчу и разукрашенную жемчугом и драгоценными камнями, бросает в реку. Бедная эта княжна заслуживала, без сомнения, лучшей участи, и

все пожалели о ней. Несмотря на благородное происхождение и печаль оттого, что была во власти человека жестокого и грубого, она, тем не менее, была бесконечно снисходительна к нему и никогда не роптала на него за свою неволю. Как бы ни был Разин груб, нужно полагать, что только в припадке сумасшествия он мог совершить подобную жестокость: до этого случая он казался более справедливым, нежели жестоким". И, очевидно, в доказательство „справедливости" Разина, Стрюйс сейчас же непосредственно рассказывает другой эпизод: „Во время пребывания моего в Астрахани я видел пример его гнева против нарушителя супружеской верности. Некто соблазнил чужую жену, оскорбленный муж пожаловался. Чтоб отомстить за него, Разин приказал привести виновных и, узнавши, в чем дело, велел мужчину бросить в реку, а женщину повесить за ноги. Она, бедная, жила в таком состоянии двое суток" [1]).

Речь Разина к Волге, конечно, сочинена Стрюйсом. Несомненно, выдумана им и другая подробность — что персидская пленница была „княжной", сестрой ханова сына (Шебын-Дебея). В ряде документов, где говорится об этом хановом сыне (между прочим, сам Шебын-Дебей подавал челобитную об отпуске на родину) нет ни одного слова о его сестре.

---

[1]) „Русский Архив" 1880 г., кн. I, стран. 91—92 (перевод с французского текста П. Юрченко).

Но нет оснований подозревать Стрюйса в том, что он выдумал весь эпизод; было бы даже неправдоподобно, чтобы у Разина за время его похождений в Персии не завелось никакой персианки. Что касается княжеского звания, то, очевидно, Стрюйс заключал по жемчугу и драгоценным камням, которыми была украшена эта женщина. Другой эпизод — наказание за супружескую неверность — может объяснить и первый: очевидно, на эти вещи в „войске“ Разина смотрели неодобрительно, и, собираясь вернуться на Дон, где у него были жена и дети, Стенька решил развязаться со своей любовницей.

Тут мы подходим к любопытной подробности в жизни Разина — его отношению к семье. Вспомним, что первое паломничество в Соловецкий монастырь он совершил „по обещанью“ своего отца; вернувшись на Дон из Персии, он, правдами и неправдами, сумел увезти к себе из Черкасского городка жену и детей (об их участи нет никаких известий). С ними вместе приехал его брат Фролка, который разделил и его славу, и его конец; иностранные авторы рассказывают, что когда братья были взяты в плен, Стенька все время старался подбодрить павшего духом Фролку, хотя довольно безуспешно. Очевидно, семейные узы вовсе не были чужды Стеньке; скорее напротив.

Но если в жестокости следует видеть не столько черту Разина, сколько черту эпохи, то, несомненно, индивидуальной его чертой, высоко поднимавшей

его над толпой товарищей, был проницательный ум, соединенный с природным даром внушения. Проницательность не покидала его даже в пьяном виде; любопытен в этом отношении рассказ капитана „Орла“, Д. Бутлера. Будучи взят в плен, он был вечером приведен вместе со своим товарищем, немцем-хирургом, к Разину, который сидел на улице перед архиерейскими палатами и пил со своими старшинами — все были пьяны. Разин интересовался, что они умеют делать, и, когда узнал о специальности хирурга, он даровал ему жизнь и послал перевязывать своих раненых. Затем он обратился к Бутлеру: „Что ты умеешь делать?“ Тот от страха ничего не нашелся ответить и ждал приговора; Стенька пристально посмотрел на него... и приказал дать ему водки. „Это было очень кстати, пишет Бутлер, так как я чуть не упал в обморок, а две большие чарки этого напитка не допустили до этого и помогли мне добраться до войска, куда он приказал отвести меня“. — Тут перед нами — не пьяный зверь, а, во-первых, расчетливый вождь движения, желающий использовать иноземцев для своего дела, и, во-вторых, проницательный наблюдатель, сразу понявший, что допрашиваемый находится в таком состоянии, что ему надо дать оправиться и отпустить его[1]).

---

[1]) Вскоре Бутлеру удалось бежать в Персию, благодаря содействию одного немца, который перешел на сторону казаков, „хотя, в сущности, презирал их“ — пишет Бутлер.

Разин обладал тайной влияния на толпу; вот его портрет, нарисованный Стрюйсом: „Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно". Другой иностранец отметил, что взятые в плен сторонники Разина встречали смерть без всякого страха, проникнутые сознанием, что умирают за правду („affrontoient la mort avec une merveilleuse résolution, estans persuadez qu'ils mouroient pour la bonne cause", — „Relation", p. 30). „Батюшко Степан Тимофеевич" умел казаться одновременно и близким, родным народной массе, и высокостоящим над нею.

II

В характеристике революционного деятеля на первом плане обыкновенно стоит его „идеология". Но к Разину этот подход был бы неправилен: трудно говорить об идеологии, в точном смысле, у донского казака XVII века. Лозунг восстания был им сформулирован кратко: „за великого государя стоять, а изменников выводить", причем пояснялось, что „изменниками" являются бояре, а также — воеводы. Крестьянство Оки и Волги истолковало этот лозунг распространительно, как направленный против всех помещиков, и встало против крепостной неволи; когда Разин стоял под Симбирском, по всему Сим-

бирскому уезду от него были посланы „загонщики“,— „и поместных де людей, дворян и детей боярских и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут“; в Алатырском и Арзамасском уездах восставшие (преимущественно, инородцы) рубили помещиков, их жен и детей, и жгли их усадьбы. И тут Разин, по политическим соображениям, был умереннее поднятых им масс. Сохранился текст очень любопытного воззвания „от донских и от яицких атаманов-молодцов от Стефана Тимофеевича и от всего великого войска донского и яицкого“, адресованного „черни“ Цивильского уезда, русским людям, татарам, чувашам и мордве, где, между прочим, говорится: „а которые цивиленя дворяне и дети боярские и мурзы и татаровя похотят заодно тоже стоять за дом пресвятые Богородицы и за всех святых и за великого государя и за благоверных царевичев и за веру православных крестьян, — и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз и татар ничем не тронуть и домов не разорять“. Эту „память“ повез „войсковой казак Ахпердя мурза Килдибяков“, которого „черни“ было предписано „во всем слушать и спору не держать“. Тут видно желание не отталкивать от себя и душевладельцев-помещиков, что подчеркивается и личностью посланца-мурзы, а не простого татарина. Правда, в данном случае речь шла преимущественно о помещиках-татарах, но среди разиновцев встречались нередко и русские дети боярские. Вообще, Разин старался

привлечь к себе по возможности все слои населения, делая исключение лишь для горсти бояр — даже воеводы, которые бывали „миром одобрены“, оставались нетронуты. Взятие Астрахани его сторонники представляли таким образом, будто астраханцы „помирились“ с Разиным, который побил и ограбил только тех, кто сопротивлялся, „а которые де астраханцы и тезики (т.-е. персиане) с ним Стенкою не бились, тех... он Стенка не побивал“. Впоследствии, при В. Усе, после убийства митрополита, астраханцы составили в кругу приговор от имени всех жителей, включая не только посадских людей, но и „с гостина двора торговых людей,“ — „стоять друг за друга единодушно и иттить им вверх, к Москве, и побивать и выводить изменников-бояр“. Однако, движение оказалось гораздо более радикальным, чем его лозунги (впрочем, достаточно общие и растяжимые); провозгласив борьбу против „бояр“, Разин вызвал движение против всего класса душевладельцев-помещиков.

Исключением в этом отношении является, повидимому, движение среди инородцев. Мы знаем, что татарские орды, кочевавшие близ Астрахани, были хорошо знакомы с донскими казаками, которые постоянно грабили их и уводили ясырь. Привлечь их на свою сторону Разин не мог. Но он постарался обеспечить их нейтралитет: с этой целью он „распустил“ в Астрахани аманатный двор, где постоянно сидели татарские заложники, „и аманатчики

из Астрахани все в целости выехали", заявил в Москве подьячий Колесников. Этот шаг Разина, несомненно, должен был произвести впечатление: он порывал с политикой национального угнетения, отказывался от неприятного и унизительного средства держать их в подчинении. Тот же подьячий сообщил, что татары все от Астрахани „откочевали". Разин мог быть доволен и этим результатом — нельзя сразу забыть недавнее прошлое; но они, по крайней мере, не действовали против него. Но инородцы средней Волги, не сталкивавшиеся ранее с донскими казаками, могли быть привлечены к борьбе с московским правительством — и Разин постарался это сделать; тут его политика была иная — он призывал их присоединиться к нему. Кроме вышеприведенной грамоты цивильским жителям, сохранился перевод с татарского письма „от великого войска, от Степана Тимофеевича" к казанским татарам — муллам и мурзам (которые названы по именам) „и всем слободским и уездным бусурманам", — где предлагается: „для бога и пророка и для государя и для войска — быть вам заодно". Грамота эта была дана Стенькой служилому татарину, приехавшему к нему в Симбирск, „пожиточному человеку", Асану Айбулатову, сыну Карачурину (он впоследствии пропал без вести и правительство конфисковало его поместье в Кадомском и Керенском уездах, отдав их голове московских стрельцов, раненому при подавлении восстания). Разин, таким образом, старался привлечь инородцев,

действуя на их социальные верхи. Одним из видных „воровских атаманов“ был Мурза Кайко, живший в „своей мордовской деревне“ Костюшеве. Выше отмечалось (гл. III), что отряды чуваш и черемис отличаются своей многочисленностью — в короткое время образовались „воровские собранья“ в несколько тысяч и даже свыше десятка тысяч человек, имевшие своих атаманов, есаулов и „прапорщиков“. Очевидно, восставали сразу целые волости, организованно, не раскалываясь на враждебные социальные группы. Исключения могли быть — одно было отмечено в своем месте, — но редко. Это и неудивительно: с одной стороны, экономическое развитие их было очень низко, и они сохраняли прочные племенные и родовые связи со своей аристократией; с другой стороны, эксплуатация чуждого московского правительства все время поддерживала в них враждебные ему политические стремления (вспомним, что не только в 17-м, но и в 18 вв. вспыхивали восстания во имя основания независимого магометанского царства, в особенности среди башкир, где вели постоянную агитацию казанские татары). Таким образом и здесь, в отношении к инородцам, Разин придерживался „реальной“ политики, привлекая себе на помочь все враждебные общему неприятелю силы, независимо от их отношений между собой.

Эта черта Разина — политика — особенно бросается в глаза в пресловутой истории с поддельным „царевичем“ Алексеем Алексеевичем. Провозгласив

поход против бояр „за царя“, естественно, всего удобнее было бы иметь этого царя у себя под рукой, чтобы иметь право говорить от его имени. Стенька обставил этого царевича такой обстановкой, которая должна была посильнее действовать на воображение масс: вспомним рассказ иностранца о корабле, обитом красным бархатом, и пароль („ясак“) разиновцев — „Нечай“. Бесполезно гадать, какова была бы судьба этого „царевича“, если бы восстание кончилось успешно — едва ли у самого Стеньки был план нового государственного устройства России. Одно несомненно, и это следует подчеркнуть: он вовсе не был анархистом, боровшимся против государства вообще, — наша народническая публицистика приписала ему свои собственные смутные чаяния; и люди противоположного лагеря считали Стеньку анархистом потому, что не мыслили государства иначе, как в виде бюрократического самодержавия. Конечно, в разиновщине мы встречаем акты, носящие исключительно разрушительный характер: например, в Астрахани были сожжены дела Приказной Палаты; казаки хвалились, что они передерут все бумаги и „на верху“ в Москве, у государя. Но какая революция обходилась без подобных эксцессов? Уничтожить дела и даже следы старого режима — одно из первых стремлений стихийных народных движений; но затем начинает устанавливаться новая организация. И в Астрахани была восстановлена канцелярия, в которую посадили старых

подьячих „для письма“; попрежнему стали взимать таможенные и даже кабацкие деньги. У восставших был готовый образец политической организации — „великое Войско Донское“. В грамотах Разина и его помощников речь идет всегда от имени войска донского — иногда добавляется: „и Яицкого“ или „и Запорожского“ (когда автор почему-либо считал нужным подчеркнуть участие и иных казачьих „войск“ [1]). В занимаемых городах выбирались или назначались атаманы (иногда одновременно — и из местных жителей, и из донских казаков); начинали собираться общие собрания — „круги“. Словом, Московскую Русь могла ожидать судьба Малороссии, которая после Хмельницкого политически была поглощена „войском Запорожским“ (хотя казаки составляли меньшинство населения) и делилась в отношении управления на „полки“ и „сотни“. Можно сомневаться в целесообразности и устойчивости такой политической организации; но это — отнюдь не „безгосударственное состояние“.

---

[1]) Ср. письмо одного из атаманов Разина, черкашенина Илюшки Долгополова из Ветлуги в Козьмодемьянск, которое начинается так: „Великого Войска Донского и Запорожского государю моему батюшку Прокофью Ивановичу да Ивану Андреевичу (это два донские казака, сидевшие тогда атаманами в Козьмодемьянске) товарищ ваш Илюшка Иванов сын челом бьет и со всем своим войском“.—Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии, т. XXIX, в. 5—6, стран. 322.—Отмечу, что во время астраханского бунта 1705 г. жители по традиции провозгласили себя „великим войском Астраханским“.

Не будучи, таким образом, отрицателем государства, Разин вовсе не был, — как утверждают историки, о нем писавшие, — и отрицателем церкви. Он бился не только „за государя", но, как мы уже видели, „за дом пресвятые Богородицы и за всех святых... и за веру православных христиан" (курьезно, что это говорится в грамоте, адресованной цивильским жителям, по преимуществу инородцам, т.-е. язычникам и мусульманам). Пользуясь именем царевича Алексея Алексеевича, он присоединил к нему имя бывшего патриарха Никона, как главы церкви; сам он довольствовался третьим местом — его казаки упрекали противников, что они „изменяют великому государю царевичу Алексею Алексеевичу и патриарху Никону и батюшку нашему Степану Тимофеевичу". Но ясно, что бывший паломник к чудотворцам Зосиме и Савватию делал это вовсе не из религиозного чувства. Московское правительство в своих манифестах старалось изобразить Разина богоборцем: из показаний войскового атамана М. Самаренина, действительно, можно заключить, что зимой 1669 — 1670 года на Дону он устроил гонение на духовенство, запрещая строить церковь в Черкасском городке, венчать церковным браком, „износил на имя Господне и на его святую церковь хулу и священников с Дону учал сбивать". Для того, чтобы правильно истолковать эти слова, нужно иметь в виду, что обряд церковного венчанья на Дону в те времена едва ли

пользовался большим распространением: дело в том, что хотя донские казаки и считали своим призванием защиту христианской веры от бусурман, но первая церковь в Черкасском городке была начата постройкой (при материальной поддержке из Москвы) только в 1650 г. и закончена в 1652 г.; до того здесь была только часовня. Попы присылались из Москвы, причем соглашались ехать те, которые не смогли устроиться иначе, — „безместные попы", старые и увечные: в 1652 г. поп Федор отпросился обратно, заявив, что он стар „и по книгам говорить не видит", другой поп и дьякон, присланный с ними, умерли; для освящения церкви оказался один поп, а дьякона пришлось выписывать на гастроли из Царицына.

Поэтому, казаки в своих городках (за сотни верст от Черкасского), заключая браки, естественно, обходились без попов: выработался даже особый обряд „гражданского" брака путем объявления о нем на„ майдане" (главной площади), который держался у донцов и в XVIII веке, иногда сопровождая церковный брак. Это нисколько не мешало развитию прочных семейных связей [1]). Таким образом, отвергая церковный брак, Разин не делал чего-то неслыханного, но возвращался к старому, тогда еще вполне живучему обычаю, — очевидно, он просто желал удалить из Черкасского городка по-

---

[1]) История с постройкой церкви и посылкой попов красочно описывается документами—см. „Донские Дела", т. IV, стран. 555—560, 598, 651—656. О „гражданском" браке см. *Харузин.* — „Сведения о казацких общинах на Дону", стран. 74—75.

пов, присланных туда московским правительством. Но с теми представителями духовенства, которые признавали его власть, он умел ладить. Не будучи религиозным человеком, он знал силу духовенства и старался ее использовать для своих целей. Попами он пользовался для того, чтобы приводить к присяге на верность „войску и батюшку Степану Тимофеевичу“, для того, чтобы служить панихиды по убитым товарищам, и т. д.; в Астрахани он старался установить официальные отношения с митрополитом; в Царицыне, по словам одного доносчика, у Стеньки „был любимый приход в монастырь у казначея Арона, и пил и ел тот вор Стенька с тем Ароном заодно“. Наконец, выше отмечалось широкое участие духовенства в восстании в среднем Поволжьи, причем попы в церквах начинали „молить Бога за бывшего Никона Патриарха и за воровских казаков“ (за что их потом вешали). Мотивы этих попов, пристававших к Стеньке, опять-таки едва ли носили религиозный характер: положение нисшего духовенства было весьма бедственное, а в крупных боярских вотчинах попы мало отличались от крепостных. К тому же, стоя близко к своим прихожанам, они, естественно, должны были приспосабливаться к ним. Имя патриарха Никона, которым так широко пользовался Разин, подкрепляет эту мысль: религиозное движение против господствующей церкви могло бы быть поднято только раскольниками, т.-е. заклятыми противниками Никона. Но раскол тогда был еще слаб, и Стенька вовсе на

него не расчитывал — он выбрал имя бывшего патриарха, ныне узника, так как тот был известен, как противник бояр. Никон пал жертвой боярской интриги — так думали и иностранцы, так думали — что очень важно в данном случае, — и в Малороссии. Любопытна грамота изменившего Москве гетмана Брюховецкого 1668 года на Дон, наполненная сетованиями на „московских цариков — безбожных бояр", которым пришлось подчиняться вместо православного царя; „самым поганским" делом бояр грамота считает свержение Никона: „верховнейшего пастыря своего, святейшего отца патриарха свергли, не желая быть послушными его заповеди; он их учил иметь милость и любовь к ближним, а они его за это заточили"; грамота кончает увещанием не прельщаться „обманчивым московским жалованьем" и быть „в братском единомыслии с господином Стенькою". Никон был известен своими малорусскими симпатиями; и так как добрая половина казаков Разина пришла к нему из Запорожья, то он и выбрал его имя, которое только оттеняло его основной лозунг борьбы против „бояр" [1]).

[1]) Поэтому, я не могу согласиться с *В. Г. Дружининым* и *Н. Н. Фирсовым*, что в пользовании именем Никона со стороны Разина была особая „близорукость" или „крупная политическая ошибка". Сам Дружинин в своем „Расколе на Дону" прекрасно показал слабость раскола в 80 и 90-х годах XVII века—вожди антиправительственного движения, рассчитывавшие, что „заступничество за старую веру привлечет на их сторону массы", „были жестоко обмануты в своих ожиданиях" (ibid., стран. 215 и сл.).

Таким образом, частое упоминание имени бывшего патриарха, как и участие духовенства в движении, отнюдь не придает ему религиозной окраски; оно оставалось социально-политическим, будучи направлено против крепостного права (момент социальный) и бюрократического управления (момент политический). Но еще менее оно было анти-религиозным движением. Вероятно, в глубине души бывшего паломника таилось какое-то темное, грубое суеверие; смерть он встретил мужественно и как верующий человек. Но походная жизнь (вспомним его плавание по Каспийскому морю!) приучала пренебрегать не только основными заповедями, но и обрядами религии, — поэтому нисколько не удивительно, что ему приписывали богохульство и всякие „богомерзкие сатанинские дела", вроде того, что он не соблюдает поста, всегда ест мясо и т. п. Не будучи истинно-религиозным человеком, Разин относился к церкви, как „реальный" политик, — он думал не о разрушении ее, а о том, чтобы подчинить ее себе, использовать для своих целей. Он призывал под свои знамена как христиан, так и мусульман — „для Бога и Пророка, и для государя и для войска", — как говорится в уже цитированной грамоте казанским татарам. Современник-англичанин говорит, что Стенька вмешивался в церковные дела, разыгрывая роль „нового понтифекса" казаков. И в этом отношении он напоминает своего предполагаемого сообщника — Никона (несмотря на всю раз-

ницу между „великим государем“, патриархом „всея Руси“ и „воровским“ атаманом), который в своей церковной деятельности тоже руководился, главным образом, честолюбием и определенно стремился стать „понтифексом“, проявляя в то же время в вопросах обрядности вольнодумство, приводившее в ужас московских „ревнителей“ (известно его грубое замечание в одном споре, где противник ссылался на св. Евфросиния Псковского: „Вор, б.... сын, Ефросин!“). По отношению к царской власти он позволял себе резкую оппозицию, так что, по замечанию проф. Каптерева, „протест Никона принимал иногда характер открытого возмущения против существующих и всеми признаваемых государственных законов и учреждений“ (вроде того, например, что он предлагал духовным лицам, вызываемым в светский суд по „приставным памятям“, отнять их, „изодрать, поплевать и потоптать“). Поэтому мне думается, что нет ничего невозможного в том, что и Никон с своей стороны мог пытаться завязать сношения с Разиным; по своему темпераменту бывший патриарх немногим уступал Стеньке.

Но если уж сравнивать Разина с героями его эпохи, то, конечно, больше всего он напоминает (по той роли, которую он играл) „гетмана Войска Запорожского“ Богдана Хмельницкого. История знаменитого запорожского „батьки“, ставшего при помощи казацкой сабли полунезависимым государем огромной страны, была еще свежа и хорошо известна

на Дону, благодаря постоянным сношениям с Запорожьем. И тот и другой не сразу стали революционерами, но были захвачены стихийным ходом событий (Хмельницкий, как известно, поднял восстание по личным мотивам и долго старался играть роль верного слуги польского короля). Смысл восстания и в Малой и в Великой Руси был в основе один и тот же: это была борьба крестьянина против своего закрепощения помещику, за право быть хозяином той земли, которую он обрабатывал. Правда, в борьбе с польским правительством Хмельницкий мог выдвинуть еще лозунги религиозный и национальный; они сыграли известную роль, но не им он обязан был своим успехом. Знаменитый гетман сумел свое движение сделать вопросом м е ж д у н а р о д н ы м: первоначально он прибег к помощи крымских татар, благодаря которой одержал первые блестящие победы, имевшие огромное значение; но когда выяснилось, что татары ненадежны и готовы продать свою помощь тому, кто больше даст, он обратился к могущественной поддержке Москвы (хоть и предпочел бы обойтись без нее). Конечно, Разину многого не хватало по сравнению с Хмельницким, получившим по тому времени недурное воспитание и образование; но причина успеха последнего и неудачи первого лежали не только (и не столько) в их личных качествах, а в иной политической международной конъюнктуре. Разин тоже искал союзников: с ним переписывался крымский хан, обещавший

ему свою дружбу, — но опыт Хмельницкого показывал, насколько можно полагаться на нее; персидский шах был слишком далеко и, к тому же, связан политическими и торговыми интересами с московским правительством. Польша только что заключила мир с Москвой (для которой это оказалось очень вовремя) после долгой войны, совершенно истощившей ее силы; вместе с тем, в ней не прекращались внутренние междоусобия. То же можно сказать, наконец, и о стране, на которую Разин мог больше всего расчитывать, — Малороссии, — с которой у него были постоянные сношения: вышеприведенная грамота Брюховецкого свидетельствует о „единомыслии" между ними; ему писали из Запорожской Сечи в начале 70-го года, поощряя к походу на Москву; Дорошенко и впоследствии, когда, казалось, песенка Разина была уже спета (весной 1671 г.), желая выслужиться перед Москвой, предлагал свои услуги: „я и Стеньку Разина к его царскому величеству попрежнему в подданство наговорю"; наконец, неоднократно уже приходилось отмечать роль запорожцев в войске Стеньки. Но Малороссия тратила свои силы в нескончаемых междоусобиях; поэтому, доставляя Разину тысячи своих казаков-добровольцев, она не могла выступить в качестве организованной политической силы. Разин оказался перед лицом московского правительства один на один — внутренние восстания при таких условиях редко имеют шансы на успех, хотя бы они имели за собой

огромное большинство населения. За Стеньку было не только крепостное крестьянство, но и почти все посадское население и нисшие слои служилых людей — все были подавлены крепостнической государственностью [1]). Но на стороне последней была огромная сила инерции, организованность и — last not least — западно-европейская военная техника; они доставили ей победу.

Победа восстания означала бы „оказаченье" всей Московии, т.-е., прежде всего, уничтожение крепостного права, превращение крестьян в класс мелкой буржуазии. Но это вовсе не привело бы к имущественному равенству — его не было к этому времени и в донском войске, и Разин (судя по документам и вопреки распространенному мнению) вовсе его не проповедывал; казаки дуванили между собой „животы" только убитых ими воевод и „лучших людей", причем атаманы получали „в почесть" наиболее ценные вещи; но общего дележа или „поравнения" мы нигде не видим. Трудно сказать также, насколько новый порядок оказался бы прочным... Но восстание потерпело неудачу — и Разин сошел с исторической арены не как национальный герой (подобно Хмельницкому), а как „вор", подвергнутый

---

[1]) *Н. Фирсов* пишет, что „буржуазное общество" „во-время спохватилось" и подавило восстание. Но „общество", подавившее разиновщину, было отнюдь не „буржуазным", а сословно-крепостническим. Напротив, успех восстания вероятно, сделал бы Россию более буржуазной...

мучительной и позорной казни, согласно историческому закону, гласящему: „горе побежденным!“ И даже историческая наука до сих пор не отнеслась к нему достаточно объективно и беспристрастно.

Разин оставил по себе неизгладимый след в народной памяти. Его образ, под влиянием векового угнетения и острого сознания своей беспомощности перед ним, приобретал все более и более отвлеченные черты, становясь олицетворением народных страданий и жажды мести. Костомаров передал нам слова одного старика, жившего в его время в степной деревне близ Царицына, видевшего своими глазами Пугачева и ждавшего нового „пришествия“ Стеньки: „Стенька — это мука мирская! Это — кара божья! Он придет, непременно придет, и станет по рукам разбирать... Он придет, непременно придет... Ему нельзя не притти. Перед судным днем придет. Ох, тяжкие настанут времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, когда опять придет Стенька!“

Но историк может и должен разглядеть за этим фантастическим образом уже реальные подлинные черты этой незаурядной личности, со многими человеческими, а не демоническими, пороками и слабостями, но не лишенной и человеческих чувств и привязанностей. Грубый, необразованный казак, сын своего времени, жестокого и бурного, он был богато одарен природой: у него был дар вождя и политика, умевшего увлекать массы и приспособляться к обста-

новке, ведя то гибкую, то отчаянно-смелую политику. Основная черта, главный стержень его натуры — огромное честолюбие и властолюбие. Но обстановка сложилась для него неблагоприятно; и после первых ослепительных успехов, он встретил смерть на лобном месте от руки московского палача,—промелькнув, как метеор, в истории русского народа, не будучи в состоянии поворотить его с определившегося пути, но оставив глубокий след в его воображении и тем подготовив почву для позднейших народных движений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Настоящий очерк является результатом продолжительного и тщательного „прессования“ первоначально более широко задуманной работы. Ради экономии места автор старался быть по возможности кратким; по этой причине пришлось опустить почти весь аппарат ссылок на литературу и источники. Автор сознает, что поэтому многие его утверждения могут показаться недостаточно обоснованными. Для того, чтобы хотя отчасти восполнить этот пробел, здесь приводится перечень главнейших материалов и сочинений о Разине.

А. Источники.

Важнейшим источником остаются „Материалы для истории возмущения Стеньки Разина“, изданные А. Поповым (Москва, 1857). Затем идут:

„Донские Дела“ — т. т. I — V (изд. Археографич. Комиссии) и IV том, который, надо надеяться, скоро будет напечатан;

„Акты Исторические“, т. IV, №№ 202 и 226; „Дополнения к Актам Историческим“, т. VI, №№ 2 и 12 (кроме того, в разных томах этих двух изданий много документов, характеризующих жизнь в Астрахани и русско-персидские отношения в XVII веке).

Далее, отдельные документы, касающиеся Разина, рассеяны по разным сборникам актов: в „Собрании Государ. Грамот и Договоров“, т. IV; „Актах Археографической Экспедиции“, т. IV, „Полном Собрании Законов“, т. I; „Воронежских Актах“ Второва и Александрова — Дольника; „Орловских Актах“ Де-Пуле. Грамота Разина к казанским татарам напечатана в „Известиях О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“, т. VIII; материалы, касающиеся восстания в Заволжьи, напечатаны в приложении к статье об этом А. А. Голубева,

в „Чтениях в Обществе Истории и Древностей“, 1894 г., кн. III; касающиеся восстания в Симбирском крае — в приложении к брошюре А. И. Соловьева — „Стенька Разин и его сообщ. ники в пределах нынешней Симбирской губ.“ Симб., 1908; *) много ценного материала дает статья С. И. Порфирьева — „Разинщина в Казанском крае“ в „Известиях Об-ва Археолог.-Ист. и Этногр. при Казанском Университете“, т. XXIX, в. 5 — 6 (Казань, 1916 — тут, между прочим, приведен текст воззвания Разина к жителям Цивильского уезда).

Важны также известия о Разине современников-иностранцев: Стрюйса (русский перевод его записок — „Русск. Архив“, 1880 г., кн. I, с приложением двух писем, из них одно — Д. Бутлера); неизвестного автора „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin“, traduit de l'anglois par C. Desmares, à Paris chez Frédéric Léonard, MDCLXXI (тут приложен текст приговора над Стенькой, очень ценный, так как в русских источниках — „Донских Делах“ — сохранился только конец его) и Шурцфлейша — „Stephanus Razin donicus cosacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurzfleisch respondente Johanne Justo Martio“, Wittenbergae, 1683. **) Наконец, здесь же следует упомянуть о Шардене (Chardin), который в своем сочинении „Le Couronnement de Soleiman III, roi de Perse, et ce qui s'est passé de plus mémorable dans les deux premières années de son règne“ сообщает (с персидской точки зрения) о подвигах казаков в Персии в 1668—1669 гг., где он был в это время (хотя имени Разина он не упоминает,

---

*) Тут напечатано 14 документов, извлеченных из Московского Архива Мин. Юстиции К. И. Невоструевым.

**) На основании записок Стрюйса и „Relation“ составлена особая глава о Разине в анонимных записках о голландском посольстве в Россию 1676 г., с которым, между прочим, опять приезжал Стрюйс.

Нового тут ничего нет (за исключением сообщения о судьбе Фролки Разина).

См. „Посольство Кунраада фан-Кленка“, в перев. Ловягина, изд. Археографической Комиссии, П. 1900, стран. 446—457 (и стран. 514—о казни Фролки Разина).

и личность вождя казаков ему, повидимому, осталась неизвестной). Это сочинение Шардена помещено в IX и X тт. „Voyages du chevalier Chardin en Perse", éd. Langlès, Paris, 1811 (о казаках — t. X, pp. 112 — 140)

Б. Литература.

А. Попов: „История возмущения Стеньки Разина", М., 1857.

Н. Костомаров: „Бунт Стеньки Разина" — „Историч. монографии и исследования", т. II, СПБ., 1863 (стран. 201 — 380).

С. Соловьев: „История России с древнейших времен", т. XI, гл. 5.

Н. Фирсов: „Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни", 3-е изд., М. 1920.

Далее — упомянутые выше работы А. А. Голубева, А. И. Соловьева и С. И. Порфирьева, а также А. К. Кабанова — „Две версии осады Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 г.," в сборнике Нижегородской Архивной Комиссии, т. XVII, вып. 3, и его же — „Разинцы в Нижегородском крае (приемы бунта и усмерения)" — в „Сборнике" в честь М. К. Любавского, П. 1917. Последние пять статей непосредственно личности Разина не касаются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Глава I. Обстановка . . . . . 1—33

I. Донское войско в XVII веке 8
II. Кризис на Дону в 60-х годах. Предшественники Разина 18
III. Нижнее Поволжье и его население в XVII веке 26

Глава II. „За зипуном" в Каспийском море . . . . . 34—65

I. Первые известия о Разине. Подготовка восстания 34
II. Мимо Астрахани на Яик 40
III. Казаки в Персии 50
IV. Первое пребывание Разина в Астрахани. Возвращение на Дон 56

Глава III. Восстание . . . . . 66—100

I. Начало восстания: убийство Евдокимова и взятие Царицына 66
II. Взятие Астрахани и второе пребывание Разина в ней 73
III. Симбирский поход и распространение восстания 81
IV. Плен и казнь Разина 92

Стран.

Глава IV. Стенька Разин и его время 101—129
(Материалы для характеристики)

I. Черты эпохи и индивидуальные черты Разина 101

II. Лозунги восстания и политика Разина. . 112

Приложение. Источники и литература . . . 130—132

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин.

М. Д. ПРИСЕЛКОВ — Нестор Летописец.

Н. И. КАРЕЕВ — Карлейль.

А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне.

В. А. НИКОЛЬСКИЙ — Суриков.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл.

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аннибал.

Т. Н. АНЦИФЕРОВА — Юрий Крижанич.

И. М. ГРЕВС — Данте.

Д. Н. ЕГОРОВ — Шлиман.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. П. АНЦИФЕРОВ — Мадзини.

М. М. БОГОСЛОВСКИЙ — Петр Великий.

Н. В. БОЛДЫРЕВ — Бенжамен Констан.

А. ГВОЗДЕВ — Казанова.

А. А. ГИЗЕТТИ — Шелли.

А. К. ГОРНФЕЛЬД — Аксаков.

Л. П. ГРОССМАН — Достоевский.

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ —

Людовик IX.

Ричард Львиное Сердце.

Н. И. КАРЕЕВ — Дантон.

А. А. КОНСТАНТИНОВА — Лоренцо Гиберти.

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Катон Старший.

А. А. КОРНИЛОВ — Бакунин.

Б. А. КРЖЕВСКИЙ — Расин.

„ Сервантес.

К. В. КУДРЯШЕВ — Платон Зубов.

Д. А. ЛЕВИН — Вольтер.

П. П. МУРАТОВ — Лоренцо Бернини.

С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I.

Б. А. РОМАНОВ — Граф Витте.

А. А. СМИРНОВ — Кальдерон.

Е. В. ТАРЛЕ — Бисмарк.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Емельян Пугачев.

Г. П. ФЕДОТОВ — Абеляр.

А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Лоренцо Валла.

Н. Д. ШАХОВСКАЯ — Князь Курбский.

А. Г. ЯРОШЕВСКИЙ — Станкевич.

Российская Центральная
26 ИЮН 1923
Книжная Палата